

АРКАДИЙ ШВАРЦЕР

ХРОНИКИ спекулянта

*В поисках утраченного
антиквариата*

18+

«Шварцер любит каждого человека, которого описывает, даже если и кажется, что осуждает. Он умеет восхищаться и восхищать своей памятью...»

— **ИВАН ОХЛОБЫСТИН** —

«Книга читается очень легко, стиль забавен, сюжеты встречаются головокружительные и, главное, — перед нами чистая правда об СССР. Не вся. Но малоизвестная и весьма любопытная правда».

— **МИХАИЛ ВЕЛЛЕР** —

Городская проза

Аркадий Шварцер

**Хроники спекулянта. В поисках
утраченного антиквариата**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шварцер А. М.

Хроники спекулянта. В поисках утраченного антиквариата /
А. М. Шварцер — «Издательство АСТ», 2022 — (Городская
проза)

ISBN 978-5-17-147265-8

Все истории, собранные в этой удивительной книге, абсолютно правдивы. Кроме того, автор старался, чтобы они были изложены весело и увлекательно. И ему это удалось. А ведь от каждой из них пахнет не только артистизмом в духе Остапа Бендера, но и настоящим криминалом! Порой автор и сам удивляется, как ему, в советском прошлом – спекулянту широкого искусствоведческого профиля, а ныне достойному эксперту по раритетам и антиквариату, удалось стать участником столь причудливых событий. Читателю позволено заглянуть на кухню спекуляции ценными эстетическими объектами и увидеть изнутри много необычайного и поучительного из жизни коллекционеров, искусствоведов, безумцев, чудаков, аферистов и мошенников. Книга читается на одном дыхании. Аркадий Шварцер – человек незаурядной судьбы: спекулянт антиквариатом, эксперт-искусствовед, страстный библиофил и народный художник России. «Шварцер любит каждого человека, которого описывает, даже если и кажется, что осуждает. Он умеет восхищаться и восхищать своей памятью...» – Иван Охлобыстин «Книга читается очень легко, стиль забавен, сюжеты встречаются головокружительные и, главное, – перед нами чистая правда об СССР. Не вся. Но малоизвестная и весьма любопытная правда». – Михаил Веллер

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-147265-8

© Шварцер А. М., 2022

© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Предисловие	8
Вступление	9
Тест на читабельность	10
Коллекционер-милиционер	11
Часть I. Коллективы	16
Глава 1. Азбука	16
Мои Фили	16
Детский сад	19
Пионерский лагерь	20
Искушение	20
Смелость	21
Любовь	22
Сила	22
Дядя Изя	23
Реформа 1947 года	23
Электричка	25
Истеричка	26
Глава 2. Книжка трудовая	28
Полотёр	28
Домодедово	29
Голубятня	29
Утренняя электричка	31
Слава Чистяков	32
Народное творчество	32
Таня Климашкина	33
Аспирантура	33
ВНИИНМАШ	34
Подпись	34
Дисциплина über alles	35
Роковая справка	37
Вторцветмет	39
Собрания	39
Свалки	40
Райком партии	41
Дежурство	42
Телевизионное агентство	43
Первая в истории России трансляция Чуда схождения Благодатного Огня	43
Политтехнология	45
Футбол. Пеле и Бородин	45
Звездочёты	46
Кандидат в президенты	48
Глава 3. Кодекс строителя коммунизма	51
Добыча еды и одежды	51
Карате	52
Бриллиантовый диван	55

Берёзкин. «Шестёрка» «жигулей». Тбилиси	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Аркадий Шварцер
Хроники спекулянта. В поисках
утраченного антиквариата

© Текст. Аркадий Шварцер, 2022

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2022

Предисловие

Аркадий Шварцер написал новую книгу в захватывающем жанре, давно господствующем на Западе, но очень редком у нас – в силу засекреченности в России «нетипичных сторон жизни». Как доблестная милиция ловила жуликов, описывалось километрами. Но как умные и весёлые жулики проворачивали головоломные аферы, прекрасно зарабатывая, наслаждаясь интересным делом и при этом ещё и никому не принося вреда – о, после Остапа Бендера об этом писать было запрещено.

Вы часто видели мемуары фарцовщика? А мемуары карточного шулера, карманного вора, фальшивомонетчика? Нет?

А сейчас вы держите в руках книгу представителя самой интеллектуальной и эстетически ценной профессии из всех, что держались в тени Закона. Человек имел дело с шедеврами человеческой мысли и духа – книгами, картинами, скульптурами и рукописями. Ему нужно было найти их, купить и продать, но уже дороже. При этом: не сесть, никого не обмануть и не дать обмануть себя. Для этого требуются авантюризм, ум и художественный вкус в одном флаконе.

Сегодня Аркадий Михайлович Шварцер – эксперт в области живописи, знаток и коллекционер раритетных книг. А начинается его повествование с жизни в условиях, которые сегодня назвали бы трущобами. А дальше...

Вот прогульщик предъявляет справку с вокзала, что вчера не ходили поезда. Вот на зарплату полотёру уходит весь хозяйственный бюджет института. Вот человек меняет раритетный «мерседес» Евы Браун на автограф Ленина... Но не будем пересказывать всё заранее и лишать читателя удовольствия.

А удовольствие предстоит бесспорное: книга читается очень легко, стиль забавен, сюжеты встречаются головокружительные, и главное – перед нами чистая правда об СССР. Не вся. Но малоизвестная и весьма любопытная правда.

Михаил Веллер

Вступление

Эта книга является не продолжением, а дополнением к моей книге «Спекулянт, или Подлинные и занимательные истории спекулянта антиквариатом». Все истории, собранные и в этой книге, абсолютно правдивы. Кроме того, я старался, чтобы эти истории были весёлыми и увлекательными. Порой я сам изумляюсь, что мне удалось стать участником таких удивительных событий.

Эта книга, в которой я старался соблюсти хронологическую последовательность, содержит три части.

В первой части описаны истории из моего счастливого советского детства и события, которые происходили на местах моей официальной и криминальной (по законам того времени) трудовой деятельности.

Во второй части описаны случаи, участником которых мне волей-неволей довелось быть в период становления новой России после развала СССР – времена, когда случались самые невероятные события.

В третьей части пыливый читатель доберётся до любопытнейшей информации про евреев (как без них?) и узнает много занятного об авторитетах, которые непрерывно учат нас жить во всех СМИ сегодняшней России, а также получит представление о самых любопытных и дорогих книгах в истории нашей страны. И не только.

Вы сможете заглянуть на кухню спекуляции антиквариатом и увидеть изнутри много необычайного и поучительного о коллекционерах, искусствоведах и прочих чудаках, аферистах и мошенниках.

В завершение – интервью с Казимиром Малевичем, в котором он сам лично (!) объясняет всем алчущим и жаждущим правды, в чём смысл и идея его «Чёрного квадрата».

Тест на читабельность

Время – деньги, как давно известно. В современном мире время стало дороже денег. Потому привычно вошли в нашу жизнь всякого рода тесты. Чтобы чтение этой книги кому-то не показалось попусту потраченным временем, предлагаю тест на читабельность.

Прочтите, это не займёт много времени, зато потом сможете с полным основанием решить – читать или читать остальное.

Надеюсь на благосклонность и снисходительность читателя.

Коллекционер-милиционер

Попалась на глаза заметка в интернете, и вспыхнуло воспоминание о необычайном случае в нашем мире книжников.

Начало восьмидесятых прошлого века. Московские магазины букинистической книги можно было пересчитать по пальцам. В одной такой культовой точке – «Лавке писателей» на Кузнецком Мосту – работал продавцом Юра Калгатин.

Если верить интернету, то «легендарная московская “Книжная лавка писателей” на Кузнецком Мосту... создана была по инициативе Максима Горького 3 марта 1931 года решением правления Всероссийского союза советских писателей». Оказывается, «ещё с 60-х годов XIX столетия на этом месте находились небольшие книжные магазины, а с 90-х годов того же века здесь разместился книжный магазин известного “Товарищества М. О. Вольфа”». Получается, что «Книжная лавка писателей» – старейший книжный магазин Москвы.

В те времена на первом этаже магазина обычно толпились простые книголюбы, а на втором гоняли чаи обласканные властью важные советские библиофилы. Ранжированная жизнь во всём. На близком к народу первом этаже «Лавки писателей» и трудился Юрий Петрович Калгатин, которого все знали как Юрку Лавочника. Юра был очень странным человеком – не от мира сего. Казалось, что, кроме книг, его вообще ничего не интересует. Семью не завёл, сугубый интроверт, вечная улыбка, тихий голос, взгляд поверх очков, замедленные движения. Типичный «юродивый» книголюб с неизменной сигаретой в прокуренных зубах.

В ранней молодости Юра отмотал срок по глупости: кто-то его «подставил», как водится. Последние свои годы Лавочник работал по заданию Олега Лукашина над систематизацией антикварных и аукционных каталогов XIX – XX веков. Я бывал у него дома вместе с Олегом: до потолка деревянные каталожные ящики с несчётными карточками. Как сложилась судьба этого титанического труда и гигантского каталога после смерти Олега, а потом и Юры, мне неизвестно.

Вернёмся к началу застойных брежневских восьмидесятых. Эту историю рассказал нам с Олегом сам Юра Лавочник.

* * *

В один прекрасный день к «Лавке писателей» подрулила грязная «шестёрка» «жигулей» с тбилисскими номерами. Снаружи грязная, а внутри шикарная: чехлы, музыка, антенны, висюльки у лобового стекла – мечта кавказца! Из машины вывалились двое обросших чёрной щетиной джигиты. Дико озираясь и потягиваясь, джигиты неожиданно направились в «Лавку». Покупатели сразу притухли от вида таких книголюбов.

– Э, уважаемый, кто тут Юра Лавочкин? – спрашивают джигиты у ближайшего продавца. Тот показывает на остолбеневшего от ужаса Юру с приклеенной улыбкой.

– Юра – ты? Давай выйдем, Юра, надо поговорить очень.

– Я на работе. Я не могу покинуть рабочее место, – начинает слабо протестовать Юрка.

– Э, какая работа? Мы больше один суток гнали за рулём не останавливаясь. Один суток, уважаемый. Вопрос жизни и смерти, понимаешь? Давай иди сюда, не вынуждай нас беспокоиться.

Под испуганными взглядами покупателей Юра обречённо отправился к двери, успев по пути мужественно предупредить коллегу, что идёт только покурить. Сам, значит, идёт, по доброй воле. Вышли, отошли в сторонку.

– Уважаемый Юра, брат, не пугайся, мы сейчас тебе всё объясним. Нашего самого близкого друга арестовали менты. В Тбилиси. Он сейчас в тюрьме. Ортачальская тюрьма, знаешь?

Тебе лучше никогда это не узнать. Это ад. Поверь, я знаю, я сам там сидел, и мой товарищ тоже там сидел. Ну жизнь у нас такая, понимаешь? Мы воры – такая работа у нас.

– Понимаю, – сказал Юра. – Я сам четыре года провёл на зоне под Гринтауном, в смысле – Зеленоградом. И в Бутырке бывал, и в пересылке на Пресне.

– Ну вот, – обрадовался джигит. – Значит, понимаешь. Мы, конечно, сразу навели мосты, и нас вывели на большого ментовского начальника, от которого всё зависит. Судьба друга нашего зависит. Следствие пока идёт, вопрос надо решать, потом поздно будет, ну ты всё понимаешь. А этот мент очень любит книги и в Москве часто бывает. Он передал через нужных людей, что есть в Москве Юра Лавочкин – это ты, значит, который в «Лавочке писателей» на Кузнецком Мосту. У меня всё записано – видишь? А у этого Юры – у тебя, значит, – есть книга. Всё понял? Нам передали, что если мы эту книгу менту достанем, то он нашего близкого освободит. Понимаешь? Ну мы в тачку и погнали к тебе. Один суток. Только менялись за рулём, заправка и всё такое. Две тысячи километров.

– Какая книга? Почему у меня? Я продавец, я не коллекционер. И я не Лавочкин, а подозреваю, что Лавочкин.

– Вот прочти сам, уважаемый Юра. Тут написано.

Юрка взял в руки мятый листок и прочёл: «Заумная книга с пуговицей».

– Да, была у меня эта книга, только называется она «Заумная гнига», первая буква «г». А пуговица наклеена на обложке. Там десять линогравюр Ольги Розановой, очень редкая вещь, – оживился Юра.

– Э, брат, ты нам цену не накручивай: редкий-шметкий, мы тебе говорим, что судьба человека висит, а ты нам тут поёшь про редкий. Я сам редкий, очень редкий – понимаешь?

– Так давно нет у меня этой книги, я продал её, – заторопился Юра. – Нет книги, простите, ребята, как бы не хотелось, но не могу вам ничем помочь.

– Можешь, ещё как можешь, Юра Лавочкин. Кому продал, давай адрес, мы к нему поедем.

– Я не знаю адреса, только телефон. Но это очень важный человек, высокопоставленный. Он не будет с вами говорить. Я правда не могу ничего для вас сделать...

Через секунду Юра согнулся от удара в живот и в таком виде легко переместился на заднее сиденье машины.

– Слушай, Юра, мы без этой книги не уедем, не надейся даже ни на одну секунду. Поехали к твоему другу. Показывай дорогу. Потом позвонишь и скажешь, чтобы вышел к тебе. И тогда мы тебя отпустим. И не думай ловчить-хитрить. А посмотри, Юра, что у меня есть – видишь? Это пистолет Макарова. Хочешь, дам пострелять? – оба весело расхохотались. – Шутка, уважаемый Юра. Мы же живые люди и пошутить любим тоже. Давай, куда ехать, говори.

Юра согласился позвонить, не отходя от «Лавки». Назначил встречу своему клиенту – ответственному советскому руководителю. Приехали на встречу. Джигиты, убедившись, что книга действительно находится у этого человека, Юрку отпустили. Не забыв предварительно выяснить, за сколько Юра её продал.

Потом этот коллекционер позвонил Юрке и долго материл его самыми последними словами. Какие-то деньги за книгу он получил, но, разумеется, не те. И получается, вроде не ограбили. Получив книгу, джигиты умчались в наступившую ночь. Сейчас, кстати, точно так же технично грабят.

* * *

Обложка книги «Заумная гнига», по мнению многих исследователей, – это первый в истории России и один из первых в мире коллаж! На обложку Ольга Розанова (1886–1918) приклеила бумажное сердце красного цвета, а сверху ещё белую костяную пуговицу.

Тексты Алексея Кручёных чередуются с десятью цветными линогравюрами Розановой, изображающими стилизованные игральные карты. В большинстве экземпляров книги девять гравюр, трефовый валет встречается крайне редко, поскольку это был портрет самого Кручёных (мужа Розановой). По словам Алексея Кручёных (1886–1968), он вырезал штампы для своей книги из сапожных каблук. А потом печатал вручную тексты стихотворений этими штампами красным цветом.

Кручёных А., Алягров Р. Заумная гнига. Цветные линогравюры О. Розановой. Москва, 1916 год. 36 с. 21 л. (10 листов текста А. Кручёных, 1 лист – Р. Алягрова-Яacobсона, 10 линогравюр – О. Розановой)

То есть «Заумная гнига» Ольги Розановой – это изготовленная вручную авторская книга. Книга вышла в 1914 году, хотя на обложке указан 1916 год. Поскольку это была книга будущего – «Будетлянский ключ». По свидетельству художницы, линогравюры для книги печатались «на бумагах тетрадной, обёрточной, слоновой и др.». На задней обложке экземпляра из Музея Маяковского Кручёных сделал пометку – «Тираж 100 экз.».

Сегодня «Заумная гнига» в хорошем состоянии может стоить до ста тысяч долларов США.

* * *

Эту историю заставила меня вспомнить заметка в интернете, где я неожиданно прочёл имя начальника из Тбилиси, для которого старались вышеупомянутые джигиты. Я знал его – Дамиана Аланию – настоящего коллекционера, полковника милиции из Тбилиси, свято преданного своему увлечению – книгам русского авангарда начала XX века.

Цитирую начало этой заметки:

«ТБИЛИСИ, 2020 – Новости-Грузия. Картина “Пасхальный ягнёнок” самого известного грузинского художника Нико Пиросмани по решению суда будет изъята у государственного музея и возвращена частному лицу, который был признан её законным владельцем. Картина в 2011 году была изъята у семьи жителей Тбилиси по фамилии Алания и передана Национальному музею Грузии».

Далее излагается казённым языком очень запутанная история. Попытаюсь её пересказать, поскольку она прекрасна и типична для постсоветского пространства. С обязательными цитатами из этой заметки.

При президенте Грузии Михаиле Саакашвили в 2009 году Дамиан Алания обратился в Министерство культуры Грузии, чтобы получить официальное подтверждение подлинности картины «Пасхальный ягнёнок». Эта картина была куплена им в антикварном магазине некой Мзии Шалвашвили.

Через год пришёл ответ за подписью аж самого министра культуры (с 2009 по 2012 год) Николоза Руруа. В письме говорилось, что «этот “Пасхальный ягнёнок” не является частью творчества Пиросмани». Проще говоря, картина была признана подделкой. Но мало того – было возбуждено уголовное дело как против Дамиана Алании, так и против директора антикварного магазина Мзии Шалвашвили. Их обвинили в попытке легализовать и продать произведение искусства, о котором, оказывается, «было известно, что им завладели преступным путём».

Картина в 2011 году была изъята у семьи Алания и передана Национальному музею Грузии. «Это произошло после того, как в Министерстве культуры заподозрили, что картина ранее была похищена, а потом приобретена нечестным путём». (Заподозрили!)

В июне 2012 года суд признал Мзию Шалвашвили виновной в изготовлении поддельной квитанции о покупке Дамианом Аланией картины Пиросмани и приговорил её к одному году условно.

Итак, итожим: министр культуры Грузии лично постановил, что присланная на экспертизу картина «ранее была похищена», является безусловной подделкой, как и квитанция о её покупке. Виновные осуждены. Ворованная и фальшивая картина при этом передана в Национальный музей Грузии.

Меняется власть. После Михаила Саакашвили президентом Грузии становится Георгий Маргвелашвили (2013–2018). Дело о картине Пиросмани пересматривается специальным департаментом прокуратуры. Наконец, в 2018 году суд постановил, что именно истец Алания (сын Дамиана) является законным владельцем «Пасхального ягнёнка», а не Национальный музей Грузии. Картина возвращена истцу.

Подведём окончательный итог: конечно, это история со счастливым концом. Закон торжествовал вновь! Несмотря на то что картина «ранее была похищена», «приобретена нечестным путём» и «не является частью творчества Пиросмани». Таким образом, чтобы сегодняшний нечестный путь завтра стал честным, а фальшивая картина превратилась в подлинную, нужно совсем немного – надо, чтобы сменилась власть.

Неплохое наследство оставил своему сыну настоящий полковник милиции Дамиан Алания: книги русского авангарда, картину Пиросмани и наверняка многое другое, не менее ценное...

Часть I. Коллективы

Глава 1. Азбука

Мои Фили

Я родился в середине XX века в Москве в Филях. «Село Фили (ранее Хвили) располагалось вблизи Москвы на речке Фильке, в четырёх верстах от Дорогомиловской заставы. Известно с 1454 года», – сообщает интернет. Улица, на которой стоял наш дом, называлась Красная. Рядом была и Чёрная улица. Сейчас ровно по нашей бывшей Красной улице идёт линия метро от станции «Багратионовская» к станции «Фили».

Там я прожил свои первые десять лет. Когда стали строить линию метро, дома на нашей улице снесли. Дом наш был государственный: одноэтажный маленький деревянный сруб. В доме была общая кухня и три комнаты. В каждой комнате жила семья. Типичная коммуналка. Правда, без удобств.

Готовили на керогазах, потом на керосинках. За год до сноса провели нам газ и появилась на общей кухне газовая плита с четырьмя конфорками. Электричество часто отключали. Тогда зажигали свечи и керосиновые лампы. Воду брали из колонки, которая была недалеко от нашего дома. Когда я подросток, ходил за водой сам, особенно когда мама стирала бельё в корыте. Зимой колонка обрастала льдом и было очень сложно и скользко к ней подобраться.

Холодная деревянная наша уборная была на улице, не очень близко к дому, чтобы не воняло. Зимой отхожие дыры в уборной обрастали льдом. Естественно, народ пользовался горшками, не бегать же ночью по нужде, особенно в холодную пору. Мне потом много лет снился кошмарный сон, как я поскользнулся и падаю в эту огромную дыру в уборной (она была рассчитана на взрослого) в жуткую массу, на поверхности которой всегда кишели миллионы червей-опарышей.

Регулярно приезжал ассенизатор на машине с металлической круглой бочкой и гофрированным шлангом. Через этот шланг вечно воняющий золотарь всасывал фекальную массу. Много позже я узнал, что в медицине опарыш применяется в некоторых клиниках как дешёвый, эффективный и безопасный способ очистки ран от мёртвых тканей и нагноений. Личинку помещают на рану и оставляют на некоторое время, в результате чего опарыш съедает все мёртвые ткани, оставляя рану чистой. Этот метод используется в медицинских центрах Европы и США.

Зимой топили печку. У каждой семьи в комнате была своя печка. Коммуналка! Каждый сам по себе. Отец по утрам колол дрова. Они хранились в нашем сарае. Вечером топили печь. Зимним утром из-под одеяла не вылезешь – холодно. Печь плохо держала тепло. Потому отец вставал спозаранку и опять топил печь. В комнате тринадцать метров квадратных мы жили впятером. Мать, отец, я с сестрой на пять лет меня моложе и дед – отец папы. В соседней девятиметровой комнате жили очень бедные Книжнерманы: пожилая тётя Лиза и два её сына. Их отец погиб на войне. И в третьей, двадцатиметровой комнате жили богатые Грановские: тётя Роза, дядя Юзик, их дочка Эммочка и баба Фира – мать тёти Розы.

Каждая комната имела одно окно, которое выходило на свой маленький садик. Во многих домах на Красной улице жили евреи. Остальные жители, как водится, были антисемитами. Это был город Москва. И не сказать, что совсем окраина.

* * *

Дед мой плохо говорил по-русски. Его родной язык был идиш. Это еврейский язык германской группы, исторически основной язык ашкеназов, на котором в начале XX века говорило около одиннадцати миллионов евреев по всему миру. Мои родители родились в городе Бердичеве в Украине. Там, в черте оседлости, сформировалась своя субкультура с языком идиш. Дед был 1871 года рождения, на год моложе Ленина. Отец родился в 1907 году и до четырнадцати лет тоже не знал русского. Однако со временем русский язык моего отца стал очень богатым и литературным благодаря тому, что отец много читал.

Баба Фира, наша соседка, была старше моего деда лет на десять. Она в свои почти девяносто лет работала посудомойкой в какой-то столовой и была бойкой, сухонькой, маленькой старушонкой.

- Фира, старая воровка! – орал мой дед на коммунальной кухне. – Где мои очки?
- Да вот же, Исаак Беркович, они у вас на лбу, – с испугом отвечала бабка Фира.
- А-а, старая воровка, уже подсунула?

Обвинения в воровстве были небезосновательны. Часто дед повторял историю, как он пошёл на улицу в туалет, ровно на секундочку, и забыл запереть дверь в нашу комнату. Исчезло почти новое габардиновое пальто – совокупный заработок отца за четыре месяца. Дома была только бабка Фира и тётя Лиза Книжнерман – божий одуванчик. Кто ещё мог украсть? Но Фира ушла в глубокую отрицаловку, и дед ничего не смог доказать. Милицию никогда не тревожили – себе дороже выйдет. Решали всё сами. Отец на общей кухне бил в кровь зятя бабы Фиры дядю Юзика Грановского по этому поводу, но всё впустую. Впрочем, это был не единственный случай воровства, и мой отец регулярно бил дядю Юзика.

Одинокой соседке бабке Лизе Книжнерман с двумя детьми отец помогал. Покупал регулярно для неё дрова. Позже устроил обоих её парней на хорошую работу в типографию.

Тётя Роза Грановская работала инспектором продуктовых магазинов и каждый день приходила домой с сумками, полными дефицитных продуктов. Это были взятки. Мой отец работал директором книжного магазина на Войковской. Мать работала врачом в районной поликлинике на Филях. Типичная советская интеллигенция.

Однажды к отцу на работу пришёл инспектор с проверкой. Отец был опытным руководителем, он потребовал документы у инспектора и сразу просчитал, что он подослан соседкой Розой Грановской. Это был инспектор продуктовый, а значит, книжные магазины не имел права проверять. Отец отнял у него удостоверение, и тот долго умолял не вызывать милицию. В итоге инспектор был отпущен с миром. Отец был очень добрым человеком, но вспыльчивым.

Когда провели газ, дрова стали не нужны. Печи отапливались газом. Однажды мой дед варил себе на кухне кашку, зажёл спичку, поднёс к конфорке, только повернул не ту ручку – включил газ в духовке. Стоит и мешает кашку, а она не варится. Наконец глянул, а огонь-то не горит под мисочкой. Он опять зажёл спичку и поднёс... тут и рвануло! Деда швырнуло спиной об нашу дверь! Дверца от духовки на замену, деду ничего.

* * *

Надо сказать, что дед мой был евреем соблюдающим. Он ежедневно молился, надевал тфилин и талес, читал Тору. Местные старики выбрали моего деда раввином и по пятницам собирались у нас в тринадцатиметровой комнате на шабат. Частенько и по субботам. Можно представить себе какую радость вызывали эти собрания у моей матери. Двое маленьких детей, в стране жёсткая антирелигиозная политика, если донесут на работу, то неприятности гаран-

тированы. Отец смотрел на это спокойно, хоть и говорил, что он атеист. Но никто не донёс, Господь милостив.

Когда мне пошёл восьмой день, мать привезла меня из роддома. В нашей комнатке уже молились десять бородатых еврейских стариков. А когда моя мама вышла на кухню, чтобы что-то себе приготовить, то назад в комнату она уже не смогла попасть. Дверь была закрыта изнутри. В комнате истошно орал младенец – я. Конечно, она сразу все поняла. Мама была врачом и негативно относилась к антисанитарным условиям. Мама кричала, рыдала и билась об дверь, но напрасно. Через некоторое время дверь открылась, вышел седой старец и сказал маме:

– Ну что ты орёшь? Уже всё в порядке. Он же еврейский мальчик, а сегодня его восьмой день.

После этого инцидента я не мог ходить и говорить больше года.

Когда я пошёл в школу, то мне сразу доходчиво объяснили, что вред, который несёт религия, сравним с опиумом для народа. Родители мои всего боялись, будучи обычными советскими людьми, и не вмешивались в просоветскую и атеистическую школьную пропаганду.

Любя своего деда, я счёл своим долгом объяснить ему, что он находится в плену вредных заблуждений.

– Бога нет! – орал я глуховатому деду, а он бегал за мной с палкой, норовя ударить.

Дед оказался стойким к моей антирелигиозной агитации. Что взять с осколка дикого и отсталого царизма?

Иногда, чтобы сделать дедушке приятное, я подходил к нему и кричал:

– Бог есть! – и истово крестился. Это ещё больше раздражало деда. Бил меня всем, что под руку ему попадало. Только через много лет после смерти моего любимого дедушки я узнал, почему он так возмущался. Мне – ребёнку – никто не объяснял, что христианство и иудаизм – это монотеистические религии с различными концепциями, ритуалами и обрядами. А сам дед неважно владел русским языком.

Незадолго до смерти у дедушки стали трястись руки. Потому, когда он утром выносил свой большой синий эмалированный ночной горшок, поочерёдно орошал из него меня и мою маленькую сестру. Родители спали за ширмой в нашей единственной комнате и были недоступны дедушке и его горшку. Потом мать, ругаясь, вытирала пол и стирала наше постельное бельё в корыте. Помню, как я, лежа на кровати, старался увернуться от льющегося из дедова горшка живительного дождя.

Дед мой умер в восемьдесят восемь лет. Он не захотел уступить дорогу трамваю и пошёл на таран. Трамвай оказался сильнее деда, который попал в больницу, где и умер от воспаления лёгких. Дед умер совсем не вовремя, как раз наш дом сносили и могли бы на деда дать лишние метры.

* * *

Мыться ходили в Покровские бани раз в неделю. Когда я чуть подрос, то стали брать и меня. Удивительно, но Покровские бани существуют до сих пор и работают как бани. Калек и инвалидов в мужском отделении было огромное количество. Все воевали. Однорукие, одноногие. Сосем безногие, которые передвигались на самодельных тележках с шарикоподшипниками вместо колёс, отталкиваясь утюгами от земли. Почти все люди в бане были в шрамах от осколков и пуль. Большинство мужиков татуированные.

Татуировки были и оригинальные: у одного мужика при ходьбе нарисованный кочегар закидывал уголь точно ему в задницу, у другого – парочка, вытатуированная на той же складке под ягодичей, при ходьбе методично сношалась. Надписи «Не забуду мать родную», профили Сталина, Ленина носили на теле через одного.

Отец мой участвовал в обороне Москвы, но потом его списали из-за куриной слепоты. Он ничего не видел в сумерках и ночью. Причиной был авитаминоз. Потом, при нормальном питании, зрение у него восстановилось. Однорукие мужики в бане постоянно просили отца потереть им спину мочалкой. Он никому не отказывал. Потом и они в ответ тёрли ему спину. Такой была традиция. Потом отец мыл меня, деда и себя.

Парились в парилке. Был случай в одно из посещений бани. Когда мы зашли в парилку третий раз, мой дед обратил внимание на одного старика, который во время всех трёх наших заходов неизменно лежал на верхней полке. Оказалось, что он мёртв. Мужики спокойно его вытащили, отнесли в предбанник. Вид смерти был тогда для людей привычным.

В начале нашей Красной улицы была пивная. У трамвайной остановки. Это был центр притяжения народа и самое тусовочное место в округе. Там постоянно ошивалось большое количество инвалидов. Почти все они были в военных гимнастёрках со звякающими рядами орденов и медалей. Многие побирались на пиво. Перед Всемирным фестивалем молодёжи 1957 года все инвалиды исчезли с улиц Москвы. Мгновенно. Об их трагических судьбах достаточно написано.

* * *

Невероятно, но я жил первые свои десять лет в таких же примерно условиях, как мой дед, прадед и другие предки на протяжении сотен лет. Туалет на улице, печка, свечи. Конечно, вместо колодца появилась колонка, а вместо очага керосин. Но это не изменило жизнь принципиально. Первый телевизор я увидел лет в восемь-девять. Раз в день по нашей мощёной булыжником улице проезжал грузовик. И вдруг... за последние несколько десятилетий мир кардинально изменился. Компьютеры, интернет, смартфоны, криптовалюта и прочее. В течение моей жизни произошла такая революция в условиях быта людей, которой не было никогда в истории человечества. И никто не удивляется: а почему вдруг?

Детский сад

Мои родители пахали шесть дней в неделю. Не удивительно, что все советские дети воспитывались в детских садах, школах, пионерлагерях. Только в 1967 году в СССР была введена пятидневка с восьмичасовым рабочим днём. В школах и вузах сохранилась шестидневная рабочая неделя с семичасовым рабочим днём.

Мой отец в 1939 году попал в трудовлагерь. Он вспоминал, что выжил благодаря тому, что каждый вечер рассказывал товарищам по несчастью «Графа Монте-Кристо». В Советском Союзе очень заботились о преемственности поколений. Я очень хорошо помню мой первый «концлагерь» – летний детский сад от «Москниги» под Вереёй. В середине пятидесятых я проводил там ежегодно две или три летние смены. Помню голубую деревянную терраску, на которой воспитательницы проводили над нами педагогические эксперименты.

Воспитательницами работали грубые деревенские толстые тётки. Не знаю, было ли у них образование. И не совсем понимаю, почему они с истеричной жестокостью боролись с плохими словами, которые иногда выскакивали из наших детских уст. Возможно, больше не с чем было бороться. За плохие, но не матерные слова нас заставляли высунуть язык, затем тётки его хватили и сладострастно тёрли белым вафельным полотенцем. Иногда просто стегали крапивой по голым ногам.

За матерные слова раздевали провинившегося догола на голубой терраске, и все дети обязаны были по очереди его ущипнуть или шлёпнуть ладонью. Я сам пару раз прошёл эти мучения. Рыдая, конечно.

Но не это было самым печальным. Самое ужасное было в том, что воспитательницы вели поощрительную практику доносов и стукачества. Поощрялись доносы детей друг на друга. Доносчику верили беспрекословно без суда и следствия. Эта практика и страх наказания породили нездоровую зависимость одних детей от других. Правда, случаев ложных оговоров не помню.

Однажды я сказал «плохое» слово, вроде «какашка», при Глазкове. На всю жизнь запомнил его фамилию. Он превратился в моего истязателя и хозяина. Заставлял всё время выполнять его прихоти. Кончилось всё плохо – я его избил сначала руками, а потом и ногами. Меня раздели голым на голубой терраске и покарали руками моих товарищей по счастливому советскому детству. Потом вызвали мою мать, но она за меня заступилась. Когда она уехала, я был вынужден много дней постоянно выслушивать от воспитательниц оскорбительные эпитеты в адрес моей матери. Глазков не пострадал, но со мною больше не связывался.

Другой раз при выскочившем «плохом» слове я сам пошёл с повинной к воспитательнице. Тёрли полотенцем язык, я плакал, но зато остался независимым от сотоварищей.

Я так подробно всё это рассказываю, потому что через много лет понял, как меня программировали по-советски, по-ленински. Детский сад был первым коллективом в моей жизни, и нас пытались, наверное, так «социализировать». Толстые грубые воспитательницы вызывали у всех детей отвращение, ненависть и страх. Уже в детском саду воспитатели скорее бессознательно, чем осознанно, выстраивали аналог, прообраз исправительно-трудового учреждения. Они заботливо превращали детей в будущих зеков нашей бескрайней социалистической Родины.

Пионерский лагерь

Первые четыре школьных года я проводил каждое лето в том же лагере от «Москниги». Вспомнить нечего. Со временем моя мать стала работать врачом по совместительству на Мохладокомбинате № 8 имени А. Микояна в Филях. Моё острое нежелание ехать в лагерь от «Москниги» было наконец услышано родителями, и они решили сменить место моего летнего отдыха.

Последующие годы меня отправляли в пионерский лагерь «Чайка» под Внуково. Этот пионерлагерь оказался полной противоположностью детскому саду и лагерю от «Москниги». Там я узнал, что такое настоящая свобода.

Начнём с того, что этот лагерь был очень богат. Раз в неделю нам давали бутерброд с чёрной икрой. Несколько раз в неделю мы наслаждались мороженым родного хладокомбината, короче, кормили нас на убой. Врачом пионерлагеря была все эти годы подруга моей матери Бетти Соломоновна Ханина. Наши семьи дружили.

Счастье свободы подарил нам – пионерам – мой навсегда горячо любимый пионервожатый Олег Сергеевич Зубаков. Поистине трудно переоценить роль иной личности в истории каждого из нас. Олег служил в армии во время Венгерских событий 1956 года, о чём часто вспоминал. Я попал к нему в отряд двенадцатилетним пионером, когда ему было года двадцать три. Олег работал обвальщиком мяса на хладокомбинате и, безусловно, не имел никакого образования, тем более педагогического.

Искушение

Через несколько дней после начала смены Олег позвал меня и Волчкова (удивительно, как избирательна память) в свою палатку. Не знаю, чем мы ему приглянулись. Он вручил нам рубль и попросил сходить в деревню Рассказовка за вином. Мы с радостью согласились. До Рассказовки было километров шесть лесом по широкой тропе. В магазине купили бутылку

«Белого столового» за девяносто восемь копеек, положили в заплечный мешок и вернулись в лагерь аккуратно к обеду. А затем произошло невероятное событие.

Олег налил вино в гранёный стакан и протянул Волчкову. Тот выпил и сказал: «Вода». Наверное, так обычно говорил его отец. Олег протянул ему кусочек сахара – закусить. Потом налил вино в этот же единственный стакан и протянул мне. Я выпил и тоже сказал: «Вода». Закусил куском рафинада. Остаток вина допил Олег – наш пионервожатый. Потом мы шли строем всем отрядом на обед и сосны двоились у меня в глазах. Это двоение случилось тогда единственный раз в моей жизни.

Мне было двенадцать лет и мои родители даже помыслить не могли, чтобы налить вина ребёнку. Это было абсолютно невозможно в моей семье.

Мы с ребятами потом иногда собирали в лесу бутылки, сдавали их, а на полученные деньги покупали вино, которое тут же и распивали. Причём вино я пил только в пионерском лагере, дома даже мысли такой не возникало.

Надо отметить, что свобода в пионерлагере «Чайка» была полная. Я мог с завтрака до обеда и с полдника до ужина находиться где мне только заблагорассудится. Мы ходили в аэропорт Внуково за вином и сигаретами, купались в окрестных прудах без всякого присмотра, собирали в лесу орехи, ловили рыбу и тут же готовили её на костре. Это было самое настоящее счастливое детство и отрочество, которое только можно найти в родном Подмосковье.

Я вырослел вместе с Олегом Зубаковым. Каждое лето я попадал неизменно в его отряд вместе с другими ребятами-одногодками. Наша дружба крепла с годами.

Смелость

Одной августовской ночью Олег разбудил своих «любимчиков» – нас было пять или шесть мальчишек. Вожатый предложил нам отправиться в совхозный яблоневый сад недалеко от Рассказовки. Мы взяли заплечные мешки, которые сшили наши матери, и пошли. Настоящих рюкзаков тогда было не достать, как и всего остального. На всю жизнь я запомнил эти ночные походы за яблоками, которые быстро стали регулярными. Тёмный дремучий лес и страшные рассказы, которыми мы развлекали друг друга по дороге. Непременно страшные: про вурдалаков, упырей, оборотней и прочие страсти.

Яблоки ели только всем отрядом. Олег делил всё по-честному. Мы не голодали, но была в этих набегах на яблоневый сад такая романтика, что яблоки казались на редкость вкусными.

«Наш» совхозный яблоневый сад был огромных размеров, но, видимо, урон, который мы ему наносили, в итоге стал заметным и осязаемым. Одной прекрасной тёмной ночью наш небольшой диверсионный отряд встретился с местными пионерами, которых, видимо, призвали охранять совхозный яблоневый сад. Была жестокая драка, но лес густой да ночь тёмная позволили нашей спецгруппе по захвату яблок без потерь вернуться на базу. Однако возникли нежелательные последствия.

Утром следующего дня, когда весь лагерь собрался на традиционную пионерскую линейку, на трибуну вышли начальник нашего лагеря и начальник того самого совхозного яблоневого сада. Совхозник гневно тряс мешком, на котором моя мама предусмотрительно вышила красными нитками нашу фамилию. Меня вызвали из строя, заклеямили позором и всенародно исключили из лагеря. Несмотря на мои заверения, что я спал всю ночь в нашей палате и не мог знать, кто взял мой мешок. Может, у меня украли мешок, а потом кому-то продали. Короче, я уже тогда считал, что не пойман – не вор.

Вызвали мою мать. Она приехала и разрешила проблему. Меня оставили в лагере. Но больше в яблоневый сад мы не ходили.

Любовь

Прочёл в интернете, что «информация на уроках полового воспитания для детей разного возраста должна подаваться соответственно возрасту и в той форме, которая будет понятна и доступна ребёнку».

В один прекрасный день наш пионервожатый Олег Сергеевич Зубаков собрал нас, своих «любимчиков», и предложил вечером тихонько подкрасться к фургону, где хранились наши чемоданы. Там мы сможем понаблюдать в дырки, которых было достаточно в фургоне, как «это» делается.

Мы не заставили себя ждать. И вечером мы увидели, как в фургоне на чемоданах наш пионервожатый Олег занимался любовью с посудомойкой Машей. Потом у всех мальчишек от возбуждения тряслись ноги и нам было неловко смотреть в глаза друг другу. Очень уж сильное впечатление на нас произвело это зрелище.

Через несколько лет я случайно услышал любопытный рассказ нашего лагерного врача Бетти Соломоновны.

Мы были в гостях у Ханиных, и она хохоча рассказывала моей матери: «Однажды ночью стучит мне кто-то в окно. Смотрю – пионервожатый Олег Зубаков в одних трусах.

– Что случилось? – спрашиваю.

– Маше плохо. Она без сознания. Скорее бежим к ней, – шепчет Олег.

Одеваюсь и бегу за Олегом. Прибегаем к фургону, где хранились чемоданы пионеров. Заходим, а там лежит в обмороке голая посудомойка Маша с раздвинутыми ногами. Ты представляешь себе? Довёл девушку в любовном процессе до бессознательного состояния. Конечно, никто не пострадал, но каков мужик? Ты о таких случаях слышала?»

Сила

Олег Зубаков в то время был мастером спорта по тяжёлой атлетике в полутяжёлом весе до девяноста килограммов. Кто-то из вожатых нашего лагеря тоже занимался штангой. Тогда это был модный вид спорта. У нашего корпуса всегда находился сколоченный из досок помост для занятий штангой. Олег учил нас технике всех трёх движений: рывка, толчка и жима. Рывок – самое технически сложное движение. А жим в 1972 году был исключён из соревнований по поднятию штанги. Мы – мальчишки – тренировались с голым двадцатикилограммовым грифом. Учил нас Олег и приёмам рукопашного боя.

Олег был красавцем-мужчиной атлетического сложения, с крупными чертами лица и невероятно заразительным смехом. Сказать, что мы – мальчишки – любили нашего пионервожатого Олега Зубакова, – это ничего не сказать. Мы его просто боготворили. Он был для нас абсолютным примером для подражания. Сильный, открытый и добрый.

Через много лет я узнал, сколько статей уголовного кодекса нарушал мой любимый пионервожатый, воспитывая нас «настоящими мужчинами» в его представлении. Но тёплое чувство благодарности к этому парню осталось со мной навсегда. Он учил нас любить свободу и независимость, он искренне хотел, чтобы мы выросли смелыми, честными и добрыми. Более того, он учил нас любить нашу советскую Родину. Мы и любили.

* * *

Азбука моего детства и отрочества предлагала выбор: или законопослушная жизнь моего детского сада со стукачеством и пресмыкательством, или асоциальная, но свободная и независимая жизнь моего пионерлагеря. Правда, это я понял только в зрелом возрасте.

Дядя Изя

Реформа 1947 года

Моего дядю – родного брата матери – звали Израиль Исаакович Перлич. Слыша такое имя, ни у кого не оставалось сомнений в национальности его обладателя. Дядя был военврач. Я его помню подполковником. Ему повезло – он в 1940 году попал на Дальневосточный фронт. Там и служил мой дядя Изя всю войну.

К 1941 году там находилась Советская армия в пятьсот тысяч человек, а в 1945 году – 1,7 миллиона. Под конец войны Дальневосточный фронт состоял из пятнадцати армий, пяти тысяч танков, пяти тысяч самолётов и Тихоокеанского флота.

Численность войск противника превышала один миллион человек. На границе с СССР и МНР у японцев было семнадцать укрепленных районов общей протяжённостью свыше восьмисот километров.

Советско-японская война длилась почти месяц: с 8 августа по 3 сентября 1945 года. Вооружённые силы СССР потеряли в войне с Японией убитыми, ранеными и пропавшими без вести тридцать шесть с половиной тысяч человек.

Так что у моего дяди работы было предостаточно, а получив такой опыт, он, конечно, превратился в универсального врача экстра-класса.

Дядя Изя, как и все военнослужащие во время Отечественной войны, был уверен, что его престарелые родители и младшая сестра – моя будущая мама – получают ежемесячное пособие, которое получали все нетрудоспособные родственники военнослужащих. За погибшего на войне родственника тоже давали пособие. В начале войны погиб брат моей матери – другой мой дядя – Михаил. Тем не менее родители мамы и дяди Изи – мои бабушка и дед – умерли с голоду в эвакуации в городе Илек Оренбургской области. Потому что чиновники воровали их пособия. Ничего до материных родителей не доходило. Мать выжила благодаря помощи соседей, которые не имели возможности всем помочь и подкармливали только её – школьницу.

Кому война – кому мать родна. Один сын погиб, другой воюет, а их родители умерли с голоду, потому что какие-то совслужащие воровали их пособия, – такова была реальная жизнь.

* * *

Помню споры дяди Изи с моим отцом.

– Что же, Миша, – напал на моего отца дядя Изя, – значит, плохим вдруг Сталин оказался? А кто тут чуть не плакал, когда Сталин умер? А кто повторял: «Что теперь с нами будет? Как мы будем жить без Сталина?» Что ж теперь вдруг Сталин палачом оказался? А?

– Так я же не знал правды, – сердился отец. – Правду скрывали. Вот Хрущёв рассказал про сталинский террор, про репрессии, про чистки.

– Как ты не знал? А за что ты в тридцать девятом попал в трудлагерь? Ты шпионом работал? А на какую страну шпионил? Может, ты вредительствовал? Взрывы готовил в магазине «Авторучка», где тогда работал? Всё ты знал, не лицемерь.

Мой отец менял своё мнение синхронно передовицам газеты «Правда», а дядя Изя старался обо всём судить сам. Иметь своё мнение было большой роскошью в те времена, что негативно сказывалось на продвижении дяди Изи по службе.

Запомнился такой, часто повторяющийся диалог:

– А что, Изя, помнишь денежную реформу сорок седьмого? – напал мой отец. – Я за пару месяцев тебе сказал, что она будет. Источник был стопроцентный. Помнишь, как я на все

свои деньги купил кремнии для зажигалок? Небольшой чемоданчик получился, но тяжёлый до неподъёмности. Потом я продал все кремнии оптом и ничего не потерял. Ты помнишь, что ты сказал, когда я предложил купить тебе кремнии для зажигалок? Ты сказал: «Пусть беспокоятся те, у кого деньги нажиты нечестным трудом. Мои деньги – честнее не бывает. Это моя зарплата за время службы с дальневосточными надбавками, зарплата за время военных действий. Моя страна и моя советская власть никогда меня не обманут. Мне – парню из бедноты – советская власть дала всё: образование, работу, зарплату. Это моя власть. Я в неё верю». Не обманула тебя, Изя, твоя власть? Где твои честные деньги?

– Мне и тех хватает, что остались, – отвечал хмуро дядя Изя. – Зато живу не прячась, с открытым лицом.

* * *

Необходимое примечание. Денежная реформа в СССР 1947 года носила конфискационный характер. С этой реформой можно сравнить реформу начала девяностых годов. Одновременно с денежной реформой была отменена карточная система снабжения продовольственными и промышленными товарами. В ходе реформы обмен наличных денег проводился стремительно – в течение одной недели.

Отказ от карточек раньше, чем в капиталистических странах, должен был показать в очередной раз «преимущество» социализма. Власти организовали массовую информационную кампанию, уверяя, что реформа направлена против спекулянтов и зажиточных граждан. Сталин лично работал над формулировками. При этом зажиточные, спекулянты и коррумпированные чиновники, разумеется, не пострадали ни на копейку.

«По вкладам в сберкассах суммы до 3 тысяч рублей обменивались один к одному, по вкладам от 3 до 10 тысяч рублей изымалась треть суммы, по вкладам в размере свыше 10 тысяч рублей изымалась половина суммы. При обмене наличных денег за десять старых рублей давали один новый рубль. Из находящихся в обороте 74 миллиардов рублей к обмену не предъявили свыше 25 миллиардов».

Многие современные экономисты, как, например, Никита Кричевский, считают, что главной целью реформы было изъять деньги у тех из 26,6 миллиона погибших на войне советских людей, которые не оставили наследников.

А абсолютно все военнослужащие Рабоче-Крестьянской Красной Армии в годы Великой Отечественной войны получали зарплату и денежные довольствия. Вкратце дело обстояло так.

Рядовой красноармеец-пехотинец во время войны получал 17 рублей в месяц, снайпер – 30 рублей, лейтенант – 600, майор – 850, полковник – 1200, генерал – 2600 и маршал – 3600–4000 рублей. Простой военврач получал 800 рублей в месяц.

Когда боец попал в госпиталь по причине ранения, ему платили в два раза меньше – 8,5 рубля. Столько же получали те, кто служил в штрафбатах.

Были и премии. К лету 1943 года премия за лично подбитый танк возросла до 1 тысячи рублей против 500 рублей за год до этого. Вражеский самолет оценивался в 1 тысячу рублей, а участие в бомбардировке Берлина – в 2 тысячи рублей каждому члену экипажа.

За потопленный миноносец или подводную лодку лётчик и штурман премировались по 10 тысяч рублей, а остальные члены экипажа – по 2,5 тысячи рублей. Эти же расценки действовали и применительно к Военно-морскому флоту.

За ордена получали тоже ежемесячные денежные выплаты. Например, Герою Советского Союза платили 50 рублей, кавалеру ордена Ленина – 25 рублей, Красного Знамени – 20 и Красной Звезды – 15 рублей.

Для сравнения: летом 1943 года в тылу среднемесячная зарплата рабочих составляла 403 рубля, у работников здравоохранения – 342 рубля, у работников совхозов – 203 рубля.

Чтобы эти цифры не оставались просто цифрами, необходимо понимать покупательную возможность денег того времени.

«На фронте в системе Военторга можно было купить бутылку водки за 11,4 рубля. В тылу её официальная стоимость составляла 30 рублей, но достать пол-литра по такому ценнику было нереально. Рыночная цена водки доходила до 800 рублей за бутылку. За булку хлеба приходилось отдавать около 350 рублей».

Вот данные первого послевоенного лета 1945 года с колхозных рынков, учитывая разброс цен в республиках: мука, за 1 кг, – 140–300 рублей, мясо (говядина) – 50–100 рублей, молоко, за литр, в пределах 25 рублей, картофель – 10 рублей за килограмм.

За пачку папирос просили от 6,3 рубля официально и до 75 рублей на чёрном рынке. Мужское пальто – 3000 рублей, столько же стоил костюм. Это были настоящие предметы роскоши. Пальто и костюм носили только очень состоятельные люди. Флакон одеколона – 400 рублей, чайник латунный – 500 рублей, кастрюля алюминиевая – 140 рублей.

Отмечу, что многие военнослужащие всех своих честно заработанных денег не видели, поскольку обязаны были покупать облигации Госзайма на «добровольной» основе.

Теперь подсчитаем чистый совокупный доход военнослужащего за все четыре года Великой Отечественной войны.

Рядовой красноармеец-пехотинец за всё время войны мог получить 816 рублей, снайпер – 1440 рублей, лейтенант – 28 800, майор – 40 800, генерал – 124 800, а маршал – сами посчитайте. Простой военврач мог получить 38 400 рублей за четыре года. Получается, что рядовой солдат, если ему повезло и он остался жив, мог на свою совокупную зарплату за четыре года купить по окончании войны два флакона одеколона. Зато офицер мог позволить себе костюм и пальто.

Понятно, что не за деньги люди воевали и умирали, но ясно и отношение властителей страны к своему советскому народу-победителю.

Электричка

Середина семидесятых. Мы с дядей Изей едем в электричке на дачу в Храпуново. Дача принадлежала деду моей жены. Когда садились в электричку, то еле протиснулись в тамбур. Людей было так много, что войти дальше в вагон оказалось невозможно. Стоим плотно прижатые друг к другу в тамбуре, как сельди в бочке. Июльская жара. В вагоне страшная духота. Все обливаются потом. Дышать нечем. Короче, обычная электричка из Москвы субботним утром в разгар лета.

На какой-то остановке в тамбур втискивается баба с мешком и сразу начинает истошно орать высоким голосом. Худой доходяга-мужик просит её перестать орать, но добивается обратного эффекта – баба теперь орёт и на него, всячески оскорбляя. Народ застыл в ужасе, больше никто не хочет с ней связываться. Приходит мысль, что, видимо, таким и должен быть настоящий ад в загробной жизни.

И вдруг, к моему испугу и неудовольствию, дядя Изя поворачивается к ней и говорит:

– Женщина, прекратите орать, и так всем тошно.

– А ты, армяшка, вообще заткнись, – визжит баба в ответ, и тамбурный люд замирает в преддверии новой перепалки. Напомню – дядя Изя совсем не был армянином, что не каждый способен различить.

И тут мой дядя совершает немыслимый поступок. Он – седой солидный мужчина, повернувшись к чёртовой бабе, громко и натурально... залаял:

– Ав-гав-гав! А-ы-ы-ав!

– Ты что, сумасшедший? – вдруг неожиданно тихо и с испугом спросила баба.

– Ы-ры-ры! – дядя оскалил зубы и дёрнулся к бабе. – Р-р-р-р, – страшно зарычал он.

Тамбур бы остолбенел, если бы и так все не стояли столбами. А крикливая баба, к моему огромному удивлению, заткнулась и молчала, с ужасом поглядывая на дядю, пока мы не сошли в Храпуново.

– Почему она замолчала? – спросил я дядю Изю, пока мы шли от станции. – Почему она не ответила вам руганью?

– Всё очень просто. Она решила, что я сумасшедший и, значит, могу её укусить. Ты же видел, как я оскалился и застучал зубами? – Дядя захохотал. – Она и правда подумала, что я её укушу. Есть такой приём в психиатрии – шоковая терапия. Обычно под шоковой терапией понимают инсулиновую или электросудорожную терапию, но можно и по-другому шокировать больного. Вот пока идём, расскажу тебе одну историю из моей практики.

Истеричка

После войны я ещё много лет служил на Камчатке. И вот как-то перевели меня из одной части в другую. Меняли нас регулярно – сталинская политика. Я к тому времени занимал полковничью должность и был главным врачом полка. Приезжаю на своё новое место службы и принимаю дела у тамошнего военврача. А он оказался моим однокашником, вместе учились в мединституте. Он мне и говорит:

– Эх, Изя, не повезло тебе страшно. У жены здешнего комполка регулярно бывают истерики. Её, конечно, можно понять: она не работает, скучища тут смертная, заняться ей нечем, вот и бесится. Минимум раз в неделю с ней случается истерический припадок: рыдает, кричит о своей загубленной жизни, ругает мужа последними словами, грозитя покончить собой. Комполка, разумеется, вызывает меня. Обычно истерический припадок случается с ней часа в три ночи.

Можешь представить? Я целый день с раннего утра до поздней ночи на ногах, не тебе объяснять, а тут ещё бессонная ночь, а то и две в неделю. Измотан до смерти. Сил уже никаких нет. Стал просить перевода, иначе понял, что скоро серьёзно заболею от такой жизни. Комполка вошёл в положение и помог. Ты уж прости, я же не мог знать, что тебя пришлют.

– Ничего страшного, – отвечаю ему. – Честно говоря, особых проблем не предвижу. Езжай трудись и будь здоров.

Приступаю к работе на новом месте. Работа военврача везде примерно одинакова, я её знаю прекрасно и сразу погружаюсь целиком в текучку, изучая и учитывая особенности вверенной мне конкретной воинской части.

Проходит неделя. Как-то будит меня ночью вестовой:

– С женой командира полка плохо. Просят вас срочно.

Одеваюсь, везут меня к дому командира. Захожу: он встречает меня сам не свой, а его жена рыдает и бьётся в натуральной истерике. Говорю:

– Всем выйти, оставить помещение немедленно.

Командир и ещё кто там был выходят. Запираю дверь в комнату, подхожу к женщине и сразу даю ей пощёчину. Она только вдохнула: «Ах, ох...» – и мгновенно замолчала. Это и есть вариант шоковой терапии. Больная в шоке – она такого никак не ожидает. Пощёчину надо наносить, конечно, слабую – тут важен только эффект неожиданности. А потом я ей тихо-тихо говорю:

– Вот что, милочка. Я целый день тружусь как проклятый. Если я ещё по ночам не смогу отдыхать, то просто сдохну. Потому пойми и прости – у меня нет другого выхода. Когда меня в следующий раз ночью поднимут, чтобы твою истерику успокаивать, то знаешь, что я сделаю? А сделаю я тебе, милая, такой укольчик, от которого у тебя не только никакой истерики больше не будет, но и ты... то ли в дурдоме окажешься надолго, то ли на кладбище. Извини, но точную

дозу трудно рассчитать. Я тебя понимаю: жизнь в глуши, скучно и тошно, но и ты меня пойми: тяжёлая работа врача с утра до ночи. Поэтому или ты меня оставишь в покое, или...

Так вот: истерики у жены комполка с этого момента прекратились совершенно. Знаешь, как он меня потом благодарил – волшебником называл. А тут никакой магии – простая шоковая терапия.

Спрашиваешь, если бы стала опять меня по ночам вызывать, то взаправду убил бы её? А чёрт его знает. Всякое в жизни может случиться.

Не веришь? И правильно делаешь.

Глава 2. Книжка трудовая

Полотёр

Свою трудовую деятельность я начал полотёром. Во время учёбы на первом курсе МАТИ (Московского авиационно-технологического института), куда поступил по настоянию матери. Военная кафедра института означала службу в армии офицером, а не солдатом. Мама боялась, что солдатская служба не пойдёт мне на пользу, мягко говоря.

Как-то на перемене я подошёл к нашему преподавателю марксистско-ленинской философии – молодому крепкому парню небольшого роста, который вызывал у меня инстинктивную симпатию и доверие. Имя его не помню. Он чем-то напоминал мне моего пионервожатого Олега.

Я обратился к нему на первый взгляд со странной просьбой: помочь мне найти работу в свободное от учёбы время. Он не удивился, а дал мне телефон своего приятеля, который работал мелким начальником в конторе бытовых услуг «Заря». Я позвонил туда и приехал. Оказалось, что «Заря» в основном оказывает услуги по уходу за окнами и паркетными полами. Причём всем государственным учреждениям города. Стеклопротирщицами были, как правило, женщины, а полотёрами – мужчины. Меня оформили полотёром и приставили в ученики к опытному мастеру.

Работа была простая: сдвигаешь мебель в одну сторону, красишь пол мастикой и обрабатываешь его полотёрной машиной, снабжённой щёткой из стальной проволоки. Щётка сдирает влажный верхний слой паркета, и он становится чистым. Потом передвигаешь мебель в другую сторону и повторяешь процесс. Да, паркет очень портится. А кого это волнует?

Мой учитель, алкоголик Виктор, рассказывал интересные истории. Однажды его подрядили привести в порядок деревянный пол на какой-то заводской проходной. Он пришёл рано утром и испачкал мастикой стены чуть выше плинтуса. Когда появился комендант здания, закрывающий наряды полотёрам, то, услышав, как уборщицы ругают полотёров, поверил, что работа успешно проделана. А рабочие с утра своими ногами уже привели пол в обычное состояние.

Была история, как он с товарищем взял подряд на циклёвку полов в двадцатидвухэтажном одноподъездном доме. До сдачи дома была неделя. И они всю неделю не выходили из этого дома, даже ночью, но работу выполнили. Заработали за неделю баснословные деньги – по пятьсот рублей.

Запомнилась его история, как он служил в армии через несколько лет после войны. В Закарпатье. Их воинское под разделение постоянно перемещалось, и в каждом селе Виктор находил невесту. Играли свадьбу с обильной едой и выпивкой, на которой присутствовали все его сослуживцы. Какое-то время он жил и спал с молодой женой, потом его подразделение переезжало, и всё повторялось на новом месте. После войны чего только не случалось.

Через неделю я стал работать самостоятельно. Машину мне выдали. Работал два-три раза в неделю по три-четыре часа. Только по вечерам, когда люди заканчивали свой рабочий день. Моими объектами были Полиграфический институт на Садово-Спасской и один из корпусов Тимирязевской сельхозакадемии. Работа была однообразная и скучная. Начинаешь с первого этажа, потом переходишь на второй и затем на третий. Примерно за месяц надо было обработать все три этажа и опять вернуться на первый, который к тому времени уже становился грязным. В конце месяца я закрывал наряды у коменданта здания. Получалось около двухсот рублей в месяц чистыми.

Никогда позже я не зарабатывал столько, даже будучи старшим научным сотрудником. У нас было «пролетарское государство», быть пролетарием было материально выгодно, но тухло. Рабочие производили реальные материальные ценности и зарабатывали намного больше инженеров, как правило прожигающих жизнь в курилках и на овощебазах.

Через пару месяцев я заскучал, но тут комендант Полиграфического института посоветовал мне взять напарника. И работать веселей и производительность выше. Я пригласил напарника своего одноклассника Мишу Петрянина, который жил в Подмосковье у станции Трудовая. Он был старше меня и опытней. Мы стали работать с ним вместе только на Полиграфическом. Он часто прогуливал, но клялся, что его вклад в общее дело будет неоценимым. Через месяц он отправился подписывать наряды с комендантом Полиграфического института. Собственно, в этом и должен был заключаться его вклад.

Миша Петрянин и комендант пили горькую всю ночь. Утром мой еле живой напарник принёс подписанные наряды, согласно которым мы заработали рублей по пятьсот каждый. Я – наивный юноша, окрылённый невероятной удачей, сдал наряды в свою контору «Заря».

Случился страшный скандал. Оказалось, что мы получаем лишь процент от той суммы, которую Полиграфический институт выплачивал нашей конторе «Заря» за работу полотёров. Институт оказался на грани банкротства. Его бюджет не был рассчитан на такие расходы. Ректор института впервые узнал о существовании каких-то полотёров. Коменданта уволили. Перед нами поставили выбор: или мы увольняемся сами, или против нас заводится уголовное дело. Разумеется, мы уволились.

Домодедово

После окончания института меня распределили в проектно-конструкторское бюро с жутким именем «Главэнергостроймеханизация». Лаборатория пайки этого ПКБ находилась в городе Домодедово, на территории завода металлоконструкций.

Домодедовский завод металлоконструкций – один из старейших в России заводов по производству опор линий электропередачи. Завод был основан в 1934 году. Рядом бок о бок стоял Домодедовский завод «Кондиционер». Оба завода существуют до сих пор.

Голубятня

Напротив нашего завода, ближе к железной дороге располагались склады, пакгаузы и неизменный атрибут пейзажа окраины любого города – голубятня.

Голубятни обычно располагались в «домиках» причудливой архитектуры, обязательно на стойках или сваях. Может, чтобы голубям быть поближе к небу, а возможно, это была дань средневековой европейской архитектуре, когда голубятни являлись дворянской привилегией и потому были заметными сооружениями.

Голубятня

Разводили голубей не для еды, а «для души» и особого шика. Голубятниками обычно были товарищи с криминальным образом жизни. Они всегда любили дешёвые понты: от голубятен до яхт и дворцов – издержки дворового менталитета.

На Филях, где я вырос, голубятен было полно, как и криминального люда. Невозможно было нам, мальчишкам, не проводить время с голубятниками: да, такая была забава – «пальцы в рот – и весёлый свист».

Считается, что голубей приручили три-пять тысяч лет назад как средство связи, но я всегда с сомнением относился к любым подобным датировкам. Самыми распространёнными породами голубей в Москве и Подмосковье были турманы, сизари, вяхири и прочие гонные голуби.

Так вот, был тогда в городе Домодедово голубятник, который работал на заводе «Кондиционер». Как и большинство тогдашних голубятников, был он шпаной и хулиганом, в результате чего доставлял постоянные проблемы местному участковому милиционеру. Другими словами, был этот голубятник в жёстком противостоянии с участковым ментом до взаимной ненависти.

Как-то мент заметил, что главный возмутитель его спокойствия обтянул свою голубятню новой сеткой. Понятно, что украл, но поди докажи. Через какое-то время участковый сообразил, что у всех голубятен сетки становятся со временем коричневыми от ржавчины, а у этого как блестела, так и блестит. Нержавейка, смекнул участковый, значит, украл с завода. Нержавеющую сетку нигде тогда не продавали.

У мента появилась реальная возможность засадить своего «друга» – голубятника в тюрьму, а нет для мента большего удовольствия, как засадить в тюрьму человека.

Участковый тайно подкрался к голубятне и откусил кусочками кусочек проволоки, из которой была изготовлена сияющая сетка. Затем он отдал этот образец на исследование в лабораторию того же завода «Кондиционер» с целью установить марку металла и выяснить, используется ли сетка из аналогичного металла на заводе. Разумеется, мент использовал своё служебное положение и угрозами склонил работника лаборатории к сотрудничеству. Вот такую сложную оперативную работу проделал простой участковый, чтобы посадить человека. Настоящий милиционер всегда должен быть уверен, что место простых советских, а позже российских людей в лагерях и тюрьмах. На том стояла и стоит наша власть.

Однако вместо ответа из лаборатории неожиданно пришла неприятность. Нашего бдительного участкового среди бела дня задержали и притащили на допрос в местный отдел КГБ.

Из-за его излишней бдительности чуть было не случился чудовищный скандал. Сетка голубятни, как оказалось, состояла из чистой платины – «три девятки». Эта платиновая сетка использовалась на заводе «Кондиционер» для каких-то тайных оборонных изделий, но по инструкции надо было отчитываться за её расход до миллиграмма! Как могли пропасть бесследно килограммы чистой платины, было непонятно.

Работник лаборатории, установив состав ментовского образца, помчался к начальнику первого отдела завода и с удовольствием донёс на участкового. Начальник первого отдела – полковник КГБ в отставке – поставил в известность об инциденте руководство завода и своих друзей в КГБ. И всё завертелось.

Были задержаны: участковый, голубятник и даже работник лаборатории. Никого не расстреляли и даже не посадили – другие времена уже были. Взяли со всех подписку о неразглашении, страшно запугали и отпустили. Сетку платиновую с голубятни изъяли.

Эту историю потом часто рассказывал наш голубятник, когда напивался. Объяснял, что он, ясен пень, понятия не имел, что сетка платиновая. Её только привезли, где-то сгрузили, вот он и прихватил пару рулончиков. Перепрятал, потом перекинул через заводской забор и притащил на голубятню. Хорошо, старую ржавую сетку не выбросил, а то потерял бы своих голубей. И участкового ругал последними словами.

Во время описываемых событий цена на платину составляла шестьдесят долларов за грамм (в интернете есть всё). В украденных рулонах платиновой сетки, которой была обтянута голубятня, было ровно двадцать килограммов платины стоимостью, соответственно, одного миллиона двухсот тысяч долларов. Напомню, что тот доллар был намного потяжелее нынешнего.

Как мог не развалиться Советский Союз раньше – остаётся неразрешимой загадкой.

Утренняя электричка

Чтобы быть в восемь утра на работе, мне надо было успеть на электричку в 06:53 с Павелецкого вокзала. Встаёшь полшестого: автобус – метро – электричка – пару километров по шпалам – и на работе. Вечером обратно. Никому не пожелаю. Ужас кромешный. Особенно в зимний холод и темень.

Зато электрички всегда пустые – все люди с утра на работу в Москву едут, а вечером домой. Через месяц знал всех в электричке, как родных, – одни и те же люди. И нищие были одни и те же.

Регулярно появлялась одна глухонемая побирושка: вся дёрганая и невероятно грязная – с соответствующим запахом. В когда-то красном пальто. Я слышал её приближение по воню за три вагона. Она входила в вагон и начинала мычать, привлекая внимание. Потом шла с протянутой рукой, продолжая страшно вить.

Я стал свидетелем пару раз шутки, которая навсегда отбила у меня желание спать в вагоне. Рано утром в электричке люди обычно спят. Неспящие остряки указывали этой бом-

жихе (они называли её Машкой) на любого спящего, протягивали деньги и знаками предлагали ей поцеловать незадачливого бедолагу. Обычно выбирали жертвой интеллигента в очках и шляпе – они смешные и безобидные.

Эта полоумная глухонемая тётка, радостно улыбаясь, кивала и буквально набрасывалась на спящего, впиваясь губами в его рот. Что было потом с несчастными жертвами её мимолётной любви, невозможно описать, и всё под громкий хохот шутников.

За пару лет моей работы в Домодедово я прочитал в электричке невероятное количество книг.

Слава Чистяков

В лаборатории славного города Домодедово, где я трудился, работало человек пятнадцать. Сблизился я только с одним – Славой Чистяковым. Высокий, обаятельный, из хорошей московской профессорской семьи, всеобщий любимец. При этом он был абсолютно безответственным алкоголиком и бабником. По молодости сел за что-то на год, потом получил ещё три года за попытку побега. Дуриком женился на жительнице Домодедово и завяз в этом городе и на этом заводе.

Тогда я первый раз в жизни попытался получить нетрудовые доходы. Мы с Чистяковым фотоспособом напечатали несколько книг по занятиям йогой. Асаны, мантры, позы для лечения различных органов, чтобы жить вечно и никогда не умирать.

Со Славой Чистяковым постоянно происходили истории, которые меня просто шокировали. Это была совершенно иная, неведомая мне доселе жизнь. Вот типичный его рассказ.

«Еду домой в электричке из Москвы поздно ночью. Был у родителей. Совершенно пустой вагон. На какой-то станции заходит девушка. Села недалеко, поглядывает на меня. Я встал и пересел прямо напротив неё. Молчим. Я стал коленом тереться об её колено. Она всё поняла сразу. Встала и пошла. Я за ней. Вышли в тамбур. Она молча нагнулась ко мне задом и задрала платье. Я её с удовольствием трахнул. Перегоны там длинные. Потом она пошла в другой вагон, а я вернулся в свой. И всё молча, ни одним словом не обмолвились».

Меня такие рассказы изумляли. Просто животные, а не люди. Особенно фраза «Она всё поняла сразу».

Народное творчество

На проходной завода вывешивали регулярно стенгазету с последними заводскими событиями. Однажды непосредственно на территории завода произошёл стандартный рядовой инцидент. Один рабочий поругался с другим, распивая очередную бутылку водки, и в процессе спора пырнул товарища ножом.

Стихи из заводской стенгазеты ввелись в память навсегда:

Во хмельном, дурном угаре, потерявши рожи вид,
Со свирепой злобой вдарил безоружного бандит.
Пусть не думает бандюга, что ему де с рук сойдёт,
дело мокрое милиция вот так вот вот обведёт.

Ниже была нарисована тюремная решётка. Все читали, и всем нравилось, а ведь обязательное образование было. Пушкина с Лермонтовым наизусть заставляли всех учить.

Таня Климашкина

Однажды кладовщица Таня Климашкина пришла на работу с огромным фингалом под глазом. Сочувствующие услышали такую историю.

«Мой муж вчера приехал из командировки. И, как только вошёл в нашу комнату в коммуналке, так сразу мне и врезал.

– За что? – закричала я. – А он сказал, что когда ехал, значит, в поезде, то проводница его спросила, женат ли он. Он ответил, что да, а проводница ему тогда смеясь объяснила, что, пока он по командировкам ездит, жена ему и изменяет. Вот он как зашёл, так сразу и впечатал мне. За измену, которой не было. Ну потом помирились мы. Сейчас всё хорошо».

Эта история потрясла мой юный ум своей... «логичностью».

Аспирантура

Начальником нашего ПКБ был тогда Виктор Маркович П., еврей по отцу и русский по паспорту. До этого Виктор Маркович работал начальником механизированной бригады где-то в Сибири. Бригада состояла сплошь из уголовников, отбывших свои сроки – «откинувшихся с зоны». Такого изошрённого и вычурного мата, такой изобретательной ругани, как у Виктора Марковича, я не слышал более никогда. Сначала я впадал в панический ступор, у меня дома мата вообще отродясь не слышали, но потом быстро привык. Он привил мне навсегда иммунитет к любым оскорблениям. Позже, когда меня пытались бранить и распекать мои различные начальники, я всегда вспоминал Виктора Марковича. Уж как он умел ругаться, так другим и не снилось.

В СССР были тогда две школы пайки металлов. Наше ПКБ окормлял Иван Егорович Петрунин, а конкурирующей считалась школа Софьи Васильевны Лашко. К нам в лабораторию частенько заезжал сын Петрунина, который у нас для своей кандидатской диссертации активно проводил эксперименты по пайке металлов, а заодно и над домодедовской алкогольной продукцией. Неудивительно, что я безоговорочно выбрал С. В. Лашко.

Доктор технических наук профессор Софья Васильевна Лашко была автором ряда монографий в области технологии пайки металлов, основателем своей научной школы и признанным лидером страны в этой области. Монография «Пайка металлов», написанная Софьей Васильевной в соавторстве с мужем Н. Ф. Лашко, была издана пять раз с 1959 по 2008 год. Полвека в строю для научной книги при современных темпах научно-технического прогресса – это немыслимый успех!

Вспоминая сейчас моё поступление в аспирантуру к Софье Васильевне Лашко, я не перестаю удивляться своей молодой безрассудности. Однако смелость города берёт. Я приехал к проходной ВНИИНМАШ, где тогда работала Софья Васильевна, и, узнав её внутренний телефон, позвонил:

– Здравствуйте, Софья Васильевна, мы могли бы увидеться? Я стою в проходной.

– Я вас не знаю. А вы по какому вопросу?

– По личному.

– Сейчас буду.

Много позже я узнал, что она связала мой звонок со своим великовозрастным сыном, который не давал ей расслабиться своими хулиганскими выходками.

Софья Васильевна появилась и спросила о цели моего визита.

– Я хочу учиться у вас в аспирантуре. – Она обомлела, но облегчённо выдохнула (не проблема с сыном).

– Вы первый человек в моей жизни, который пришёл ко мне с подобным предложением прямо с улицы. Я же вас совершенно не знаю. А вдруг вы лентяй?

– А вы проверьте меня. Дайте задание. Я выполню, и вы увидите.

Она подумала, внимательно изучая меня через очки с толстыми стёклами, и дала задание. Я должен был подготовить за неделю реферат по эффекту термоциклирования.

Подготовил. Оказался очень интересный эффект. Кратко: если подвергать изделие из металла многократному нагреву и охлаждению – термоциклированию, – то такое изделие меняет свою форму. Все металлы по-разному себя ведут, конечно. Например, кубик из свинца, если его десять тысяч раз нагреть и охладить, превращается в тонкую веточку.

Софья Васильевна оценила мой реферат, я сдал экзамены и поступил в аспирантуру. А свободное время, которое у меня появилось в очной аспирантуре, привело меня на кривую дорожку спекулянта антиквариатом и в корне изменило всю жизнь.

* * *

Последняя моя встреча с Виктором Марковичем в домодедовской лаборатории была знаменательной. Он собрал общее собрание и в присутствии всех сотрудников объявил в своём стиле:

– В нашем коллективе завелась сволочь. Эта грёбаная сволочь вступила в отношения с нашим врагом – Лашко. Но мы выявим этого негодяя, мерзавца и подонка и то гда... – Некоторые товарищи стали оборачиваться и поглядывать на меня с ужасом, я ведь не очень-то скрывал, что поступаю в аспирантуру к Лашко. И тут я сделал то, что до сих пор приводит меня же в изумление. Я встал и сказал:

– Кто эта сволочь, Виктор Маркович? Скажите, кто этот подонок, и я сам, своими собственными руками задушу его.

Виктор Маркович долго молча смотрел на меня. Потом он закрыл собрание, и я покинул лабораторию пайки ПКБ «Главэнергостроймеханизации» на домодедовском заводе металлоконструкций навсегда. Стоял 1973 год.

ВНИИНМАШ

Подпись

После аспирантуры я остался работать в том же головном институте Госстандарта – ВНИИНМАШ. Там производили государственные стандарты в области технологии машиностроения. Я занимался технологией пайки цветных металлов. Например, нужен стандарт «Технология высокотемпературной пайки в вакууме лопаток из жаропрочных сплавов для ракетных и авиационных двигателей». Исполнитель пишет проект стандарта, а потом самое главное – согласовывает текст проекта с десятками, а то и сотнями предприятий, которые, возможно, будут работать по этому стандарту. Согласительные совещания, жаркие споры, тысячи поправок. Прodelывается огромная работа, пока не будет написан окончательный текст государственного стандарта.

Но самый важный и заключительный этап всей работы – это подписание проекта стандарта у больших начальников из башни Госстандарта в начале Ленинского проспекта. Начальники отделов, замначальники, начальники подразделений и их замы, вплоть до самого большого начальника – Василия Васильевича Бойцова (1907–1997), который командовал с 1963 по 1984 год всем Госстандартом СССР.

Утром прибываешь в это заколдованное здание и бегаешь по этажам, получая резолюции, подписывая ворох бумаг, ожидаешь часами: совещание, обед, симпозиум, срочное собрание ответственных лиц и прочее.

Много позже я понял, почему наше родное советское государство боролось всеми силами с такими, как я, – «лицами, живущими на нетрудовые доходы». Мы мыслили нестандартно, даже работая в Госстандарте, не по-советски, а значит, неправильно. Мы видели такой путь решения проблем, который и в голову никогда не придёт стандартному советскому человеку. Может, по мнению властей, именно потому мы и подрывали устои страны.

Вот что я сделал: получив однажды все подписи ценой невероятных усилий, я их тщательно скопировал. Художественная школа не прошла даром. Итак, я скопировал все эти подписи, и в следующий раз, когда я должен был собирать эти же подписи под другим проектом стандарта, – я их просто подделал. Теми же чернилами, такими же ручками.

Я понял простую вещь – все эти начальники представляют из себя симулякры, я их и живьём никогда не видел. Работают и имеют значение не руководители, а только их подписи. Это ошибочный взгляд, что подпись существует в нераздельной связке с её творцом. Отнюдь – подпись существует сама по себе, а человек, которому принадлежит эта подпись, – сам по себе.

Это простое открытие позволило мне использовать драгоценное время моей жизни по собственному произволу.

А теперь самое поразительное и необъяснимое. Я, разумеется, поделился с близкими друзьями своим открытием: молодость – задор! Стал и другим рисовать эти подписи, абсолютно бескорыстно – исключительно из желания продемонстрировать всем полную бессмысленность существования высокого руководства. Например, помню подпись великого начальника Федина – его «Ф» напоминала сигару, перечёркнутую посередине. Он, когда её расчёркивал на всю ширину листа, думал, наверное, о своём всемогуществе. Колосс с глиняной головой. Я мог легко так же расписываться.

Замдиректора нашего института имел фамилию Герасимов. Его подпись была невероятно востребованной, а он сам постоянно пребывал на бесконечных совещаниях. Страна напряжённо строила развитой социализм, если кто забыл. У меня на столе лежала ручка с чернилами как у него, и подпись Герасимова я мог воспроизвести в любое время дня и ночи с закрытыми глазами, так наблатыкался. Сам не мог отличить.

Во ВНИИНМАШ работало тогда тысяча двести человек, и пол-института ходило ко мне за подписью Герасимова. Знакомые и совсем незнакомые. Я по доброте душевной никому не отказывал. Документ с нарисованной мною подписью всегда без проблем получал исходящий номер, если требовалось.

Но вот что было самым поразительным – никто и никогда меня не сдал! Всем было выгодно. Всем было хорошо.

* * *

Ученым-социологам, изучающим причины, по которым развалился СССР, не приходит в голову, что для сохранения страны надо было прекратить над людьми издеваться, например заставляя их собирать никому не нужные подписи всяких паразитов и бездельников, подлостью и интригами вылезших в начальники.

Дисциплина über alles

Большинство служащих нашего института ежедневно торчали часами в курилке, хотя многие и не курили вовсе. Убивали рабочее время.

Начальником нашего отдела был Лев Ханаанович Л., которому почему-то нравилось убеждать меня, что он караим, а не еврей. Он практически не принимал участия в жизни отдела, постоянно где-то пропадая. Это был по-своему уникальный человек. Он патологически не мог ответить честно ни на один вопрос. Мы с коллегами, как пытливые исследователи,

постоянно с ним экспериментировали. Но он всегда был стоек как скала. Даже отвечая на вопрос «Который сейчас час?», Лев Ханаанович, взглянув на часы, обманывал минут на десять-пятнадцать, по настроению.

Он был давно немолод. Паркинсон уже подкрался к нему в трясущейся левой руке. Правда, злые языки поговаривали, что дрожание его руки началось после того, как он взял девять взяток на мизере. Странно, но Лев Ханаанович не понимал, как неприлично он выглядит, когда засовывает свою трясущуюся руку в карман брюк.

Заместителем начальника нашего отдела был Николай Иванович Шкурко, с которым у меня сразу установились самые неприятельские отношения. Его единственной функцией было поддержание дисциплины, и он всеми силами старался превратить наш отдел в лагерную зону, а себя – в главного вертухая.

Шкурко завёл журнал, в котором отмечал провинности каждого сотрудника, требовал объяснительных записок по любому поводу и всеми способами давал понять, что дисциплина много важнее эффективной работы на благо Родины. А я, замечу, имел звание лучшего молодого специалиста в институте и наивно думал, что хорошая работа позволит мне быть в стороне от этой бессмысленной и беспощадной борьбы за дисциплину. Такие Шкурко в итоге тоже внесли свой посильный вклад в развал страны.

Я был молод, глуп, имел нетрудовые доходы и воспринимал Николая Ивановича с юмором. Мне казалось, что это игра такая – в дисциплину, а это не могло не приводить беднягу Шкурко в бешенство. Однажды он позволил себе орать на меня по какому-то поводу, а я с удовольствием орал на него в ответ. Потом, стоя в курилке, я заметил, как у него дрожит рука с сигаретой, и тихо сказал:

– Что, Николай Иванович, «кондратий» пришёл? Ручонки дрожат? А посмотри на мои, – я вытянул вперёд руки. – Видишь, как стальные балки. Лучше отвяжись от меня, ты и ругаться-то толком не можешь. Слышал бы ты, как ругался мой бывший начальник Виктор Маркович. Не порть себе здоровье, а то и правда кондрашка прихватит.

Так неопытность и молодой задор навеки сделали Шкурко моим бескомпромиссным врагом.

Объяснительная записка

Вторая тайная жизнь – жизнь спекулянта – требовала постоянной бурной деятельности, а она, разумеется, занимала немало времени. Однажды я в очередной раз метнулся к метро, чтобы передать клиенту какие-то антикварные книги (машина появилась у меня только 1978 году). Сажусь в автобус, чтобы ехать обратно на работу, а там сюрприз – сам Николай Иванович Шкурко. Ездил по делам службы, разумеется. И вот что удивительно: пока ехали и шли к нашему институту – мило беседовали о жизни, а как пришли в отдел, так он мгновенно преобразился. Превратился в монстра, как в сказке. Стал дико кричать на меня, дескать, как я посмел в рабочее время отсутствовать... Это неслыханно и невиданно и прочее. Короче, приказал писать объяснительную записку.

Я подумал немного и написал примерно такой текст.

«Мне позвонила жена, сказала, что забыла ключи, и попросила их подвезти к метро. Я вышел из института в 13 ч 27 мин. Через 15 сек был на автобусной остановке, где, к счастью, уже стоял автобус. Ехал до метро 1 мин 5 сек. Спустился в метро, передал ключи жене и выскочил через 15 сек. А тут и автобус подоспел с вами, дорогой товарищ Шкурко. Ехал до института 1 мин 5 сек. Шофер просто гнал, вы сами видели. Потом мы шли 15 сек до проходной. Итак, я отсутствовал на рабочем месте ровно 2 мин 55 сек. Готов нести наказание по самым строгим законам нашего сурового времени, но прошу учесть следующее смягчающее обстоятельство: вы лично, тов. Шкурко, проводите ежедневно не менее трёх часов в курилке и столько же в кабинке туалета. А вы наш образец для подражания».

Конечно, сначала показал всем свою объяснительную, чтобы повеселить народ. Посмеялись. Отдал Шкурко. Он прочёл и взвился:

– Что за ахинею ты написал? Идти до автобуса не меньше семи-десяти минут, автобус идёт до метро минут пятнадцать.

У нас пол-института каждый день совершают такой путь туда и обратно, кого ты решил обмануть? Обратно мы вместе ехали, а потом вместе шли, забыл? Я вот покажу этот твой бред руководству, посмотрим, что скажут. Тебе конец.

– Это для вас, Николай Иванович, трудовая дисциплина ничего не значит, это вы болтаетесь неизвестно где часами, а для меня каждая секунда, проведённая вне рабочего места, – ножом по горлу. Вы хронометрировали? Нет, вам плевать на рабочее время, а я хронометрировал. Бежал до автобуса, потом автобус гнал без остановок и туда и обратно, вы не заметили? А я заметил. И обратно мы неслись с вами бегом. Или вам безразлично, где вы гуляете в рабочее время? Так что это не ахинея, а точный хронометраж моего отсутствия на рабочем месте. Серьёзней надо относиться к работе, товарищ Шкурко. Внимательней следить за нарушениями трудовой дисциплины – ведь это ваша работа? Или в курилке торчать? Вы же вообще ничего больше не делаете, и пользы от вас нашей родной стране – ноль.

Всё это я говорил в присутствии беззвучно хохочущих сотрудников, что, конечно, усугубляло событие. Я баловался, а он лопался от злости.

Меня решили наказать за этот проступок лишением квартальной премии в три рубля. Такие у нас были огромные премии. Я не преминул написать жалобу руководству, отметив, что три рубля – это два килограмма яблок для моих детей. Жалобу оставили без внимания.

Роковая справка

Каждой осенью все работоспособные ИТР (инженерно-технические работники) Москвы отправлялись на картошку. В колхозах Подмосковья мы собирали картошку, а затем на плодоовощных базах мы её перебирали, сортировали и паковали в бумажные вощённые пакеты. Иногда в три смены. За работу в вечернюю смену давали один отгул, за ночную смену и выходные дни – два.

Наш институт был закреплён за базой недалеко от платформы Трудовая по Савёловскому направлению. Автобус утром отвозил несчастных от Белорусского вокзала до базы и в конце рабочего дня – обратно. После ночной смены автобус прибывал в Москву, когда городской транспорт не работал и надо было добираться до дома пешком. Кому час, а кому и три: иногда в дождь, холод и грязь. Такси было не по карману, да его в это время невозможно было и поймать.

Мы установили между собой тайное соглашение – мучаемся по очереди. Один человек едет, но отмечает присутствие трёх товарищей как минимум.

В один прекрасный день случилась проверка, и мне, конечно, «повезло» – была не моя очередь и я отсутствовал на овощной базе. Причём среди белого дня. Скандал и прогул!

Шкурко злорадно потребовал объяснительную записку. За прогул строго наказывали, вплоть до увольнения по статье. К счастью, была пятница и у меня впереди были два выходных дня для поиска выхода.

Меня всегда удивляло, что для всех этих чиновников типа Шкурко существовала лишь реальность, подтверждённая серьёзным документом. Если бы справка, выданная Политбюро ЦК КПСС, констатировала, что завтра в полдень гравитация будет упразднена, то в означенное время все они со свистом унеслись бы в открытый космос. Фанатики веры в справку.

В нашем «цеху» спекулянтов старой книгой, разумеется, работали люди разных профессий. Я позвонил Лёве Прокофьеву, который трудился на Курском вокзале в технической службе. Подъехал к нему на вокзал. Быстро уяснив проблему, Лёва привел меня в диспетчерскую службу.

– Девчонки, – обратился Лёва к девушкам, там их было человек десять. – Вот мой близкий друг, он принёс вам три коробки вкуснейших конфет. Ему надо сварганить справку о том, что вчера поезда с Савёловского вокзала не ходили. Весь день. Да не забудьте передать по смене, что в понедельник, по всей вероятности, будет звонить сумасшедший и спрашивать, ходили ли поезда в пятницу с Савёловского. Отвечать, что нет. Задача ясна?

Девушки засмеялись, и вскоре я держал в руках справку. Это был официальный бланк с указанием телефонов диспетчерской службы Курского вокзала. Затем Лёва повёл меня ставить печать. Миловидная секретарша какого-то начальника шлёпнула гербовую печать железных дорог СССР. Подарил ей коробку конфет, и она поинтересовалась, доволен ли я. А я со смехом попросил её поставить ещё несколько печатей по периметру этой справки. Баловался.

Утром в понедельник, написав, что не был на базе, поскольку поезда с Савёловского вокзала весь день не ходили, я положил объяснительную записку на стол Шкурко. Прочитав моё объяснение, он засмеялся:

– Ты совсем свихнулся. Поезда не ходили? Да ты знаешь, сколько сотрудников нашего института приехали в пятницу на базу именно на электричках?

– Все врут. Поезда не ходили. У них есть справка? Нет. А у меня есть справка, – спокойно отвечал я, протягивая бланк с печатями по периметру.

Николай Иванович взял справку и стал её внимательно изучать. Он долго крутил её в руках, изумлённо рассматривая гербовые печати, стоящие по краям документа. Наконец его осенило – он схватил телефонную трубку и позвонил по номеру, указанному в справке. Разумеется, он спросил у диспетчеров Курского вокзала о движении поездов с Савёловского вокзала в прошедшую пятницу. Услышав ответ, бедняга был просто потрясён. Он лишился дара речи и только изумлённо переводил взгляд с меня на справку и обратно.

– Как ты сделал эту справку? – наконец выдавил он.

– Поезда не ходили, вы что, читать разучились?

– А зачем столько печатей?

– Я попросил. Сказал, что у меня очень недоверчивый начальник, и они прониклись участием.

* * *

Прошло какое-то время после этой истории. Однажды мне понадобились отгулы. Их у меня было штук сорок. Это далеко не рекорд. Были сотрудники в нашем институте, которые весной уезжали на картошку, а поздней осенью уходили в отгулы до следующей весны. То есть вообще не появлялись на основной работе, исправно получая зарплату.

Итак, я написал заявление с просьбой предоставить мне отгулы на неделю. А когда через неделю я появился на работе, то первое, что увидел, – свою фамилию на большом объявлении, призывающем всех сотрудников института на собрание, посвящённое моему недельному прогулу.

Когда я попросил объяснений у Шкурко, тот с удовольствием признался, что моё заявление с просьбой предоставить отгулы он порвал. Потому я оказался злостным прогульщиком.

– Пиши заявление об уходе по собственному желанию, иначе уволят за прогулы, – радостно посоветовал Шкурко.

Я написал. В итоге он меня победил, за что я ему до сих пор бесконечно благодарен. Сам я никак не мог решиться уволиться, хотя такое желание созрело задолго до этого события. Меня давно ничего не держало в институте. Я хотел как можно больше времени уделять изучению антиквариата, чтобы разбираться в нём профессионально. И вольная жизнь влекла меня. Но свобода от произвола начальников была ещё далеко. Шёл 1980 год.

Когда я навсегда покидал ВНИИНМАШ, Николай Иванович подошёл ко мне и тихо спросил:

– Ну теперь ты можешь мне сказать, как ты получил ту справку?

Я посмотрел в его коварные глаза, улыбнулся и сказал:

– Поезда не ходили, Николай Иванович, не ходили поезда.

* * *

Справка на официальном бланке с печатью творит единственную настоящую реальность. Всему электорату. До сих пор. А новости на федеральных каналах – это абсолютный аналог той же справки.

И когда справка удостоверяет, что звёзды зажигать никому не нужно, то сразу пропадает и звёздное небо над нами, и нравственный закон внутри нас.

Вторцветмет

По протекции моих друзей я устроился на работу в организацию по сбору лома и отходов цветных металлов «Вторцветмет» на должность «уполномоченный». Нас на всю Москву было чуть больше сотни. Уполномоченные следили, чтобы предприятия города не выбрасывали отходы цветных металлов в мусор, а сдавали их государству. Самым прекрасным в этой работе был практически свободный день. Мы собирались вместе лишь на один вечерний обязательный «явочный час», а в остальное время должны были тщательно контролировать предприятия города. Мне, как одному из немногих работников со специальным высшим образованием, доверили контролировать крупнейшие заводы Москвы: ЗИЛ и «Динамо». ЗИЛ, например, ежемесячно должен был отгружать пятнадцать вагонов только алюминиевой стружки на Щербинский завод по переработке цветных металлов. А медь вообще имела статус стратегического металла.

Я быстро установил правильные отношения с Валькой Каратаевой – начальником цеха металлоотходов ЗИЛа. За финский сервелат и прочие деликатесы она с радостью выполняла за меня всю работу. Бумажки заполнять – такая была, по сути, работа уполномоченного. «Упал намоченный, а встал сухим», – шутила она. Короче, не работа у меня была, а сказка. Но всё хорошее имеет тенденцию быстро заканчиваться.

Собрания

Сменился наш начальник. Новым начальником стал Евгений Иванович Панов – здоровый бугай с крохотными глазками, патологически обожающий всяческие собрания. И началась непрерывная череда собраний: выборных или перевыборных, отчётных или по принятию обязательств, посвящённых грядущим праздникам или решениям партии, правительства и так далее. Короче, свобода закончилась. Сам Панов неизменно выступал на всех собраниях, неся в массы долго и страстно свой горячий бред. Глаза его каждые пятнадцать минут речи мутнели в катарсисе наслаждения, видимо, он испытывал от собственных речей настоящий регулярный оргазм.

Самым ужасным было то, что он стал устраивать собрания после окончания рабочего дня, мотивируя это тем, что у нас ненормированный рабочий день. А ведь многим женщинам надо было забрать детей из садика, ужин приготовить семье и так далее. А у меня вечером наступала основная деятельность, и эти бесконечные собрания больно ударяли по моему карману.

Венцом этого кошмара собраний явился новый главный инженер нашего управления – Михаил Сергеевич Голубкин, – такой же любитель пустозвонить. Собrania превратились в бесконечную жестокую пытку.

Большинство моих товарищей дремало, а я, разумеется, читал книги. Но однажды на одном из собраний со мной произошла странная метаморфоза: что-то щёлкнуло у меня в голове и я, к своему ужасу, стал слышать то, что говорили мои начальники. Как я ни пытался сосредоточиться на книге или своих мыслях, ничего не получалось – я слышал только речи выступающих. Это был, как правило, собачий бред, бессмысленный и беспощадный. Пустой набор слов, который непрерывным потоком обрушивался на мою бедную голову.

Я решил, что схожу с ума, и побежал к знакомому психиатру Мише Чижикову. Он объяснил мне, что это издержки двойной жизни:

– На работе ты ноль без палочки, а в среде товарищей спекулянтов – уважаемый человек. Вульгарный когнитивный диссонанс.

– И что мне теперь делать?

– Ломать поведенческий контекст. Получать удовольствие от жизни.

– И от собраний?

– В первую очередь от собраний. Сам решай как, но радуйся жизни всегда и во всём. Иначе заболеешь и сдохнешь.

И я стал выступать на собраниях. Я стал бороться на собраниях против собраний. Рвался на трибуну и критиковал начальство. Например, за то, что держат сотню человек в маленьком душном пространстве, не дают матерям забрать детей из детских садов и прочее. Играл роль честного и открытого придурка, радеющего за дело и людей. У нас в стране юродивых традиционно очень любят и побаиваются. Уволить такого человека абсолютно невозможно. Как уволить за справедливую и честную критику? Родная партия с тогдашним главой М. С. Горбачёвым тоже призывала советский народ вскрывать недостатки на производстве, чтобы повисить... и усилить... А когда действуешь в рамках решений партии и правительства, то тебе никто не страшен.

Начальство пришло в большое изумление: они просто не понимали, что со мной делать. Меня вызвали в кабинет к Панову, и там в присутствии других начальников он грозно задал мне вопрос, который я тысячи раз слышал от руководителей всех звеньев, с которыми сводила меня судьба:

– Ты что, думаешь, умнее всех?

– Ну почему всех, – с улыбкой отвечал я. – Вы главный начальник, вас, может, и не умнее, а быть умнее нашего главного инженера Голубкина, например, невелика заслуга.

Разумеется, Голубкин сидел ровно напротив меня. Он потерял дар речи. А я продолжал развивать эту тему, пока не был выдворен из кабинета начальства с беспомощными и жалкими угрозами.

Свалки

По долгу службы мы были обязаны инспектировать свалки на случай, если кто посмеет выбросить отходы цветных металлов. За нами был закреплён полигон «Тимоховское». Это бескрайнее поле до горизонта, полки огромных крыс, туча ворон, вонь, столбы дыма и люди, которые бродят по свалке и что-то ищут. Городские свалки всегда именовались полигонами. Видимо, по ночам там проводились испытания различных типов вооружения и военной техники.

Помню, как при мне привозили мешки с табаком, мешки с шоколадными конфетами, останки электроприборов, а однажды видел, как выгружался самосвал со старинной мебелью из Театра Вахтангова. На свалке есть абсолютно всё: любая продукция, любой товар.

Больше всего меня поразили люди, которые бродили по свалке в респираторах, вооружённые длинными палками с крючком на конце. Все с мешками, куда складывались находки. Эти люди делились на две основные группы.

Одни жили прямо за воротами свалки. Там стояли палатки или домики из подручного материала, которого полно на свалке: фанера, сайдинг, листы сухой штукатурки, алюминиевый гофр и прочая ерунда. Все домики с одним окном и обязательной трубой, торчащей из стены, – отопление. Там и дети бегали, и бельё висело: обычная трущобная жизнь.

Другие люди приезжали на старых дешёвых автомобилях-«помойках», переодевались и не спеша шли на работу – ловить удачу на свалке.

Собирали всё, что можно продать. В конце дня приезжали скупщики.

Финал фильма 1958 года «Пепел и алмаз» Анджея Вайды происходит на свалке. Поверьте, ничего не изменилось. Название фильма и романа Ежи Анджеевского взято из стихотворения польского поэта Ц. Норвида:

Когда сгоришь, что станется с тобою:
Уйдёшь ли дымом в небо голубое,
Золой ли станешь мёртвой на ветру?
Что своего оставишь ты в миру?
Чем вспомнить нам тебя в юдоли ранней,
Зачем ты в мир пришёл?
Что пепел скрыл от нас?
А вдруг из пепла нам блеснёт алмаз,
Блеснёт со дна своею чистой гранью...

(Пер. Г. Андреевой)

Райком партии

Регулярно мы посещали райкомы КПСС с отчётами об успехах. Как-то раз я пришёл в здание райкома партии Волгоградского района на приём к нашему куратору. Нашёл нужную дверь в центре длинного коридора, постучал, открыл её, поздоровался и представился.

В конце длинного кабинета сидела высокомерная дама. Но не такая важная, как ей бы хотелось, – не было ни секретаря, ни тамбура при входе – верных признаков высокого статуса. Дама тут же принялась строго отчитывать меня. Неважно за что, просто такова была форма поведения ответственного партийного паразита. Но странное дело, она не пригласила меня войти и сесть, что было стандартным ритуалом. Я стоял в проёме открытой двери, слушал её и в какой-то момент облокотился на притолоку.

– Как ты стоишь? Что за поза? – вдруг с удивлением услышал я. – Немедленно встань нормально, распоясались совсем, – повысила голос партийная баба. Видимо, хотела показать людям, беспрестанно снующим по коридору за моей спиной, свою суровую ленинскую бескомпромиссность. Я вытянулся по стойке смирно, а потом рухнул на колени:

– Такая поза вас устраивает? – заискивающе спросил я. Сзади тотчас стали собираться люди. Она в гневе вскочила с места:

– Немедленно прекратил!

Я повернулся к изумлённым товарищам:

– Смотрите, товарищи, она велела мне встать на колени, ну я и встал. Мне не трудно. Народ и партия едины.

Потом было общее собрание нашего «Вторцветмета», где меня пытались наказать по доносу этой райкомовской тётки. Не получилось, поскольку я твёрдо стоял на своём – партия приказала мне встать на колени, а партия, как известно, наш рулевой.

Дежурство

Нелепая традиция была в нашей организации – дежурить в здании управления в праздничные дни. В три смены, включая ночную. По выходным не дежурили, только по праздникам. Кто, когда и зачем придумал это бессмысленное дежурство, давно забылось, однако вошло в уклад. Пришла и моя очередь дежурить. Конечно, в ночь – я же был «любимчиком» у начальства.

Старое деревянное здание нашей конторы находилось на улице Богдана Хмельницкого, ныне Маросейке, прямо за зданием Белорусского представительства, во дворе. Я приехал, принял дежурство, поднялся на самый верхний этаж, в кабинет дежурного, и обнаружил там на столе толстенный старый журнал. В этом журнале за последние лет двадцать отмечались все дежурные: фамилия, дата, а в графе «Примечания» неизменное: «Происшествий нет».

Времени у меня было много. Я стал писать в журнале, как за время дежурства отразил два нападения неизвестной инопланетной цивилизации и четыре атаки различных бандформирований. Много написал, с подробностями. Затем дождался закрытия метро и уехал на своём автомобиле домой спать. Утром вернулся. Проверять меня ночью никто бы не стал: личный автомобиль был практически только у меня одного, а на такси кататься – денег не хватит. Только в дневное время любил проверять дежурных полудурок Голубкин. Причём приезжал со своим маленьким сыном.

Прошло много дней до следующих праздников, когда очередной дежурный прочёл мою эпопею и хохоча поделился с коллегами. Опять было общее собрание и желание начальства меня наказать, но опять тщетно. Я твёрдо стоял на своём: были нападения и атаки. А потом под одобрительный смех сотрудников я перешёл в наступление. Я гневно вопрошал руководство о смысле этого дежурства, если за двадцать лет никаких происшествий не произошло.

– А кто позарится на наше убогое здание? – допытывался я. – Значит, это издевательство над людьми в праздники? А премию мне не хотят выдать за то, что я спасаю авторитет начальства, отразив атаки неприятеля и доказав тем самым необходимость этих дурацких дежурств? – С трибуны меня было не согнать, когда я ловил кураж, никто уже и не пытался.

Через какое-то время меня вызвал наш начальник Панов:

– Тут нам выделили на управление две машины. Бери одну и убирайся к чёртовой матери.

Напомню, машина в то время была страшным дефицитом. Стоимость такой машины на чёрном рынке подбиралась к двум номиналам. Так мы и разошлись к обоюдному удовольствию. А у моего сына появилась чёрная «пятёрка» «жигули» – первый в его жизни автомобиль. Начинаясь 1987 год.

Потом, до развала Советского Союза, я где-то числился, отдавая зарплату начальству, впрочем, как и все мои друзья-подельники. Но это уже была по-настоящему свободная жизнь, без произвола начальников и производственных собраний.

* * *

Уверен, производственные собрания есть имитация бурной деятельности начальственных паразитов, не более того. Такие собрания тоже явились одним из факторов развала СССР.

Телевизионное агентство

Первая в истории России трансляция Чуда схождения Благодатного Огня

Весна 1998 года. Директор нашего телевизионного агентства Андрей Писарев, усмехнувшись, предложил мне «ехать к своим» поработать. Это значит – к евреям в Иерусалим. Делать трансляцию Чуда схождения Благодатного Огня. Впервые в истории России! Митрополит (патриарх с 2009 года) Кирилл меня благословил. До этого он благословил меня на должность финдиректора нашего агентства словами: «Деньги дело не православное. Пусть работает». Так некрещёным и живу до сих пор. Правда, позже владыка Кирилл благословил меня на брак со словами: «Крещёная жена да освящает некрещёного мужа». Освящает до сих пор, кстати. В те времена удавалось не раз пообщаться с владыкой: златоуст, умнейший человек и выдающийся политик. Недаром стал патриархом. Потянул бы легко и президентом России.

Прилетели в Иерусалим, разместились на Русском подворье в Русской духовной миссии. С оператором Валерием Ахниным и режиссёром Борисом Конуховым. За день до события игумен Марк познакомил меня с Ваджихом Нусейбе, мусульманином. Арабский род Нусейбе, по легенде, почти полторы тысячи лет ежедневно открывает двери храма Гроба. Ключи хранятся у другой арабской семьи – Джуда. Шесть христианских конфессий храма ещё в древности не смогли полюбовно договориться (не могут и до сих пор) и решили отдать ключи от храма мусульманам. Мы подружился с Ваджихом. До сих пор встречает меня как друга, хотя я очень редко бываю в Иерусалиме. За пятьдесят американских долларов он продал мне место для оператора... на доске. Доску положили между двух балконов, которые находятся прямо перед входом в Кувуклию. Идеальное место. Договорились о завтрашней встрече.

Вечером пришли в храм Гроба. Брали интервью у паломников из России. Храм на ночь закрывался, и многие паломники решили провести там всю ночь в молитвах, что не возбранялось. (Туалет там есть.) Старушки богомольные пришли со своими складными стульчиками: каркас из алюминиевых трубочек и брезентовое сиденье. Эти стульчики ещё «выстрелят» в моём повествовании. Когда по явился служитель и стал громко кричать о закрытии храма, мы вышли на улицу. Тут нас ждало первое шокирующее событие.

Израильские полицейские перегородили турникетами вход в храм минут за двадцать до закрытия. Разрешён был только выход. Что тут началось... Помню мужика, который кричал, что он вышел покурить, а его жена осталась внутри с адресом и названием отеля, и он не знает, куда идти. Какая-то женщина голосила, что у неё в храме остались дети, и наоборот – рыдали дети, вышедшие поиграть и оставшиеся на улице без родителей. Как в фильмах про войну: стоял крик, стон, плач. Все эти русские люди не поняли служителя, объявлявшего на своём языке о скором закрытии храма. Полицейские были непреклонны, хотя очень сомнительно, что никто из них не знал русского языка. Мы могли только посочувствовать этим людям.

На следующий день мы с оператором Валерой Ахниным отправились в храм. План был простой: после завершения съёмок Ахнин кидает мне, стоящему внизу, кассету, и я мчусь в Иерусалимский телевизионный центр, где меня ждёт режиссёр Борис Конухов. Он быстро просматривает, монтирует и запускает запись Чуда схождения Благодатного Огня в эфир на всю нашу необъятную Россию. Это «хоккейный вариант» трансляции: небольшая задержка от реального времени.

С утра в храм было невозможно войти из-за скопления народа. Полицейские к тому же ограничили вход. Нусейбе провёл нас какими-то задними тайными ходами, открывая и закрывая двери своими ключами, пока мы не оказались в месте своего назначения. Ахнин залез на

доску, лежащую между балконами, я встал под ним прямо напротив входа в Кувуклию. Вскоре началась служба.

Через некоторое время в храм буквально ворвалась большая группа арабов. Они сидели на плечах друг у друга, орали, бесновались, прыгали, крутились... Только много позже я узнал, что это традиционная часть службы, а в этот момент был в полном непонимании происходящего. От их воплей в храме возникло страшное напряжение. Я понял тогда, что значит «воздух звенит». Атмосфера накалилась невероятно. Наконец они выбежали из храма и появился 139-й Патриарх Иерусалимский Диодор (1923–2000) в одной сорочке до пола.

Я честно описываю то, чему был свидетелем. Так вот: вдруг на стенах храма вокруг Кувуклии появились световые змейки. Сначала я подумал, что это вспышки фотоаппаратов, но потом понял, что ошибался. Эти яркие змейки из света появлялись, бежали хаотично по стенам и исчезали. И так продолжалось некоторое время. Позже мы обсуждали это явление с Валерой Ахниним, но никакого научного объяснения этому эффекту так и не нашли. Впрочем, Валера особенно и не искал: ему, как православному человеку, было ясно – «Чудо».

Затем патриарх Диодор зашёл в Кувуклию, где, собственно, и должно было произойти Чудо схождения Благодатного Огня. Получив чудесным образом Огонь, он должен был передать его по двум рукам, выходящим из Кувуклии, всем собравшимся, но всё пошло, к сожалению, не так...

В храме Гроба Господня в Иерусалиме служат шесть христианских конфессий: католическая, грекоправославная, армянская, коптская, эфиопская и сирийская. Армяне и сирийцы враждуют издавна. Причины вражды этой не интересны никому, кроме армян и сирийцев. Так вот, в самый напряжённый момент, когда все ожидали появления Благодатного Огня из рукава Кувуклии, один армянский монах, стоящий совсем рядом с Кувуклией, спокойно вынул спички и зажёл свою связку из тридцати трёх свечей. В тот же момент появился Благодатный Огонь от патриарха Диодора из Кувуклии и быстро побежал наверх вокруг Кувуклии и дальше по прихожанам. Впечатление было такое, что Огонь, как живой, несётся по храму, не забывая ни одну из свечей. Скоро все свечи храма загорелись, народ торжественно и радостно запел, но...

Поступок армянского монаха, который первым зажёл свои свечи от спички, не ускользнул от сирийских монахов. И сирийцы в праведном религиозном гневе бросились на армян. Драться они, надо отметить, совсем не умели: махали руками, рвали одежды, таскали друг друга за волосы, а потом стали кидать в супротивников связки горящих свечей. Храм наполнился чёрными клубами дыма, где-то что-то загорелось, неслись яростные крики, началась толчея... Стало понятно, что служба закончилась, а тут как раз и время стало поджимать. Я бросился под доску, на которой сидел Ахнин, крикнул ему – поймал кассету и рванул налево, к выходу из этого ада.

Но я ошибался – ад только начинался. В храм вошли ровным строем несколько десятков израильских полицейских. Прозрачные шлемы, закрывающие лица, прозрачные щиты, а в руках ярко-красные огнетушители, из которых они сразу принялись поливать весь честной народ без разбора.

Давление полицейских было столь мощным, что народ смяло и отбросило назад. Я оказался совершенно беспомощной щепкой в этом людском водовороте. Заорали, завывали люди – это складные стульчики на алюминиевом каркасе, о которых я упоминал выше, ломали рёбра старушкам... Несчастные держали свои стульчики подмышками.

И вот тут случилось со мной реальное чудо, по-другому не скажешь: меня пронесло, как в водовороте, по кругу внутри храма и вынесло к выходу за спиной полицейских. Я оказался на площади перед храмом. Удивляясь тому, что больше никто не выходит наружу, совсем никто – прекрасно помню, – я помчался к выходу из Старого города. Тут опять случилось маленькое чудо – на выходе из Новых ворот стояло одно-единственное такси.

Мы успели ко времени, указанному в телепрограмме, выпустить в эфир трансляцию Чуда схождения Благодатного Огня. Впервые в истории нашей страны люди смогли увидеть воочию всю службу, но, разумеется, без армяно-сирийской драки, запись которой наверняка хранится где-то в архиве телецентра.

Да, первое время огонь не обжигает.

* * *

Язычников, самолётами развозящих Огонь, тогда не было. Не было огнепоклонников тогда, а были простые верующие в Бога люди.

Политтехнология

Футбол. Пеле и Бородин

В 1999 году мы участвовали в выборах мэра Москвы на стороне Павла Павловича Бородин, или просто Пал Палыча.

Приезжаем как-то в его предвыборный штаб. Очень важная тётенька, занимающая высокий пост в штабе, приносит нам для ознакомления предвыборный буклет, в котором отражена вся многотрудная деятельность нашего кандидата. Читаю: всё как обычно – казённый язык, нудное перечисление должностей и заслуг, как вдруг... «Павел Павлович увлекается футболом. Только за последние шесть лет, постоянно принимая участие в регулярных товарищеских и прочих футбольных матчах, забил 751 гол...» Я захохотал:

– Ну это же откровенная чушь, неприлично такое писать, у нас в Москве почти весь электорат увлекается футболом. Вы на посмешище выставляете Пал Палыча.

– Почему это чушь? – строго спросила штабная тётя. – Пал Палыч очень внимательно относится к своим футбольным успехам и сам настоял, чтобы эта информация была включена в его предвыборный буклет.

– Но позвольте, я не знаток футбола, однако читал книжку Константина Есенина о футбольной статистике. У нас в стране есть клуб Григория Федотова. Туда входят футболисты, забившие сто и более голов за свою карьеру. Сейчас их там всего около шестидесяти человек, и это за всю историю нашего отечественного футбола. Лидирует Олег Блохин – у него чуть больше трёхсот голов. Он единственный наш футболист, преодолевший рубеж триста голов. Причём за тридцать лет профессиональной карьеры. А тут за шесть лет 751 гол! Нас засмеют, это невозможно.

– Нет. Эта тема не обсуждается. Ещё раз говорю вам, что Пал Палыч лично контролирует свои спортивные достижения и относится к ним с пристрастием.

Разумеется, я предпочёл заткнуться, раз такое дело... сам Пал Палыч! Прошло три месяца. Выборы были назначены на 19 декабря. Недели за две до выборов знакомлюсь с последним вариантом предвыборного буклета. Дохожу до футбольных успехов нашего кандидата и замираю от восторга: «Павел Павлович увлекается футболом. Только за последние шесть лет, постоянно принимая участие в регулярных товарищеских и прочих футбольных матчах, забил 876 голов...»

Обращаюсь к молодому парню – работнику штаба:

– Молодой человек, вы производите впечатление вменяемого товарища. Объясните мне, что это за 876 голов?

Парень сразу оживился и стал с удовольствием рассказывать:

– Пал Палыч лично следит за точным освещением своих футбольных достижений. Я уже наизусть выучил, что Пеле забил за свою карьеру 1281 мяч. Жду, когда наш дорогой Пал Пал догонит и перегонит беднягу бразильца. И это, поверьте, не за горами. Хорошо, что Пеле пока не подозревает о существовании Пал Пала, а то, думаю, уже вытаскивали бы бразильца из петли.

– Вы хотите сказать, что кто-то считает голы?

– Конечно, есть специально обученные люди, которые считают голы, забитые Пал Палом, причём крайне внимательно и сосредоточенно. Эти цифры не от фонаря взялись.

– Но, помнится, месяца три назад этих голов было меньше на сотню с гаком.

– Да, вы правы. Это другая сторона нашего гениального футболиста. Тот же Пеле однажды забил за один матч восемь голов. Это его рекорд. Были футболисты, которые и больше забивали за один матч, но это в африканских дворовых матчах. А вы знаете, сколько забивает за одну игру наш великий футболист Бородин?

– Нет, конечно, но любопытно.

– Рекорд Пал Пала – двадцать два гола за одну игру! Несколько раз по двадцать голов за матч забивал, а уж про меньше двадцатки и говорить нечего.

– Но как это может быть? – изумился я. – Ничего не понимаю. Тут должна быть какая-то хитрость, подстава, верно?

– Конечно. А как иначе? Пал Пал обладает действительно мощным ударом, но бегать не любит. Он постоянно пасётся в офсайде. Понимаете? Он всегда у ворот противника, всегда вне игры. Ему пасуют – он бьёт. Удар сильный – вот и весь секрет.

– А судьи кто? Они не видят?

– Разумеется, не видят. После игры – стол, выпивка, анекдоты от Пал Пала. Он и платит, и заказывает музыку. А музыка вот такая, как я вам напел.

– Но ведь писать такие цифры в предвыборном буклете контрпродуктивно.

– Возможно. Но так хочет лично Пал Пал.

– И никто не попытался ему объяснить?

– Не знаю. Я не очень допущен к телу, а кто допущен, только дифирамбы ему поёт. Это же нормально? Везде же так?

* * *

Напомню, что в итоге на выборах мэра Москвы в 1999 году победил Лужков, набрав 70 % голосов. На втором месте был Кириенко с 11 %, а наш кандидат – Пал Палыч Бородин пришёл к финишу третьим с 6 %. Это не помешало ему с 2000 по 2011 год состоять государственным секретарём Союзного государства Россия – Беларусь. А может, и помогло.

Двадцать шестого апреля 2002 года Госсекретарь Союза России и Беларуси П. П. Бородин в интервью телеканалу НТВ заявил: «Кто такой Пеле? Он за девятнадцать лет футбола забил 1292 гола, а я за девять лет на большом футбольном поле забил 2500 голов».

Девятого февраля 2012 года новый глава комитета по этике РФС Павел Бородин в своём интервью «Советскому спорту» сказал: «Пеле, если не ошибаюсь, забил за карьеру 1292 гола. Я начал подсчёт своим мячам только в 46 лет, и у меня голов во много раз больше – 12 691».

Сколько голов забил Пал Палыч на сегодняшний день, я не знаю, но подозреваю, что Пеле тоже не в курсе, что позволяет бразильцу спокойно и счастливо жить в неведении.

Звездочёты

В 2002 году мы работали на выборах губернатора Красноярского края. Тогда ещё были выборы и мы, эффективные политтехнологи, были востребованы.

Нашему боевому патрону Станиславу Александровичу Белковскому – президенту Института национальной стратегии – пришла в голову, как обычно, гениальная идея – использовать астрологов. В биографии нашего клиента Стас нашёл интересную деталь – он родился на Цейлоне. Пришла мысль связать его рождение с рождением края. Наложить гороскоп на гороскоп, а в результате «неожиданно» получить повеление звёзд небесных голосовать за уроженца далёкого Цейлона. И будет всем счастье. А звёздам как не верить? Они же честны, независимы и неподкупны по определению. Попробуйте дать денег, например, Юпитеру – не получится. Значит, и верьте ему беспрекословно.

Наш боевой патрон любил повторять, что электорат у нас не только не христианин, но даже не монотеист – верит в чудеса, гадалок, колдунов и прочую бесовщину. Послали меня воплощать эту гениальную идею в жизнь.

Я, как опытный книжник, сразу вспомнил своего старого приятеля Шахверди Шахвердиева, в миру прозванного Сашей Лезгином. Почему Лезгином, не знаю, но национальность у него была иная. Как из Шахверди получился Саша, тоже не очень понятно, но не суть. Внешность у Лезгина была крайне экзотическая: гигантского размера нос пробивался через невероятно густую растительность на лице, как скала посреди джунглей. Если приглядеться, то можно было заметить в глубине дремучего леса глаза: мудрые, мягкие и добрые.

Лезгин всю жизнь торговал книгами по оккультизму, магии, волшебству и, можно сказать, был абсолютным монополистом в этом жанре. В СССР книги на эту тему, разумеется, не издавали. Лезгин сам подпольно издавал где-то такие книги и продавал, очень рискуя свободой. «Самиздат» часто кончался тюремными нарами по известным причинам. КГБ тщательно ловил таких «самиздателей», а им не докажешь, что ты издавал только книги по оккультизму. К тому же все по умолчанию должны были знать, что читать можно только государственную печатную продукцию, прошедшую цензуру.

После развала страны как прорвало. Появились книги на всевозможные темы. Астрологи, хироманты, экстрасенсы всех сортов стали зарабатывать приличные деньги, ловко дура народ. А народ был рад дурачиться: большинство советских людей действительно оказались убеждёнными язычниками, то есть атеистами. Они с энтузиазмом верили в любую ерунду, заполняя вакуум от своей сожжённой веры в будущую всемирную победу коммунизма.

* * *

Встретились мы с Сашей Лезгином во дворе его дома недалеко от метро «Войковская». Было лето. Во дворе за столом сидели голые по пояс Лезгин с приятелями и пили дешёвое пиво. Когда я изложил свою просьбу, один из приятелей Лезгина внезапно оживился и стал рассказывать, как он, практически возглавляя предвыборный штаб Путина, привёл его к победе и сделал президентом страны. С тех пор, когда я слышу от какого-нибудь человека, что он привёл Путина к власти, сразу вспоминаю этот жаркий день, московский двор и полугололого жирного парня с дешёвым пивом.

Саша Лезгин отправил меня к своим друзьям-астрологам. Больше нам, увы, не привелось встретиться. Шахверди Шахвердиев вскоре приказал нам всем долго жить.

Сашины друзья-астрологи оказались абсолютными профессионалами: зарегистрированная организация, свой офис, своя газета, регулярные сборища, вербовка в неофиты и так далее.

Я объяснил идею и дал им исходные данные для написания гороскопа Красноярского края, который родился 7 декабря 1934 года постановлением Президиума ВЦИК. Задача: звёзды должны указать, что для процветания края необходимо выбрать губернатором человека, родившегося в районе Индийского океана. А потом неожиданно и вдруг окажется, что на Цейлоне 6 марта 1965 года родился наш кандидат. Вот это да! Неожиданность какая! Потрясающее совпадение. Звёзды действительно не врут!

И тут я столкнулся с удивительным явлением. Главный астролог заявил, что ему требуется точный час и минута рождения Красноярского края. Объясняю ему:

– Пишите любое время, которое нужно для составления необходимого гороскопа – задачу понимаете?

– Понимаю, – говорит. – Но как без точного времени? Никак не можно.

– У вас крыша поехала на вашей астрологии? – спрашиваю. – Задачу не понимаете?

– Понимаю, – говорит. – Дайте хоть час рождения края, пожалуйста. Но лучше и минуту.

Это был странный психологический феномен: жулики и аферисты начинают верить в свои же фантазии. Становятся адептами своей деятельности, тем самым превращаясь из аферистов в фанатично верующих ревнителей своего же проекта. Забывают, что изначально проект рождался как мошеннический. От обманщика до фанатика один шаг.

В итоге сделали всё как положено, ибо деньги оказались важнее часа рождения. Потом мы отправили эту группу астрологов на гастроли по Красноярскому краю. В различных населённых пунктах им снимали клуб, где они морочили людям мозги о таинственной связи гороскопов края и нашего кандидата. Призывали голосовать вместе со звёздами, которые никогда не врут и так далее. После этой обязательной программы любому желающему за сто рублей (по тогдашнему курсу три доллара) выдавали гороскоп, благо такая компьютерная программа существовала давно. Компьютер, принтер, две минуты – и гороскоп готов, а с ним «прилипала» и сотенка. Эти деньги составляли часть их гонорара по нашей предварительной договорённости.

Наш кандидат, кстати, победил и долго властвовал потом в Красноярском крае. Пришло ли с ним счастье жителям края – не мне судить.

* * *

В заключение этой истории поведаю самое главное, что должен знать каждый об астрологии: «Звёзды склоняют, но не обязывают». Так говорил Парацельс, лат. Paracelsus, настоящее имя Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм (1493–1541). Швейцарский алхимик, врач, философ, естествоиспытатель, великий реформатор медицинской науки и практики.

Свободу выбора, свободу воли у человека никто не может отнять, как и ответственность за свои поступки. Звёзды лишь склоняют, а выбор остаётся за человеком, как и ответственность (порой тяжёлая) за этот выбор.

Кандидат в президенты

Две тысячи третий год. Преддверие выборов президента. В наш институт, руководимый Станиславом Белковским, толпами повалили люди, мечтающие стать президентами нашей страны. Была ещё вера в выборы, в политтехнологии, в бескрайние возможности каждой кухарки научиться управлять государством по заветам ещё не совсем забытого Ильича.

Поразил моё воображение лишь один из этой плеяды – Николай Васильевич М. Привёл его один из друзей нашего института и рекомендовал как человека фантастически богатого. Этот Николай М. долго работал в московской мэрии под Лужковым на весьма деньгоёмкой должности, «поднял», как тогда говорили, немереные «бабки», затем поругался с мэром и решил подать всего лишь в президенты страны.

Познакомились. Николай М. оказался плотным мужичком небольшого роста с непропорционально большой головой, что придавало ему сходство с ребёнком и не могло не вызывать подсознательной симпатии. Я поинтересовался, зачем ему приспичило в президенты. Он мудро улыбнулся:

– Если уж он смог стать президентом, то я-то точно буду не хуже. – И пригласил меня к себе домой для делового разговора в приятных условиях.

От Петровки, где базировался наш офис, до дома Николая М. на Тверской мы дошли пешком. Поднявшись на лифте до самого верха, мы оказались на лестничной площадке, полной странного люда. Квартира М. занимала весь этаж. Дверь в квартиру была открыта, и народ сновал туда-сюда беспрестанно. Вошли, и я, честно говоря, был поражён: мы оказались в церкви! Высоченные потолки на пару этажей, иконостас с деисусным чином, золото убранства, горящие свечи – в общем, всё как в настоящей русской православной церкви. Перед иконами сновали женщины и мужчины в монашеском одеянии, шла служба, которую вёл у алтаря бородатый поп.

Насладившись моим изумлением, Николай М. сделал мне знак следовать за ним. Мы пересекли «корабль» – среднюю часть церкви, Николай открыл ключом неприметную дверь, и мы оказались в обычной московской квартире.

Присели в удобные кресла у настоящего камина, и Николай Васильевич начал свой удивительный рассказ:

– Видите этот огромный портрет на стене – это мой родной дядя, ныне покойный. Он был знаменитым прозорливым старцем. Институт старцев, кстати, существует только в РПЦ. А дядя мой, архимандрит Иоанн, ещё и преподавал в Московской духовной академии. Святой был человек. Пытаюсь во всём ему подражать и соответствовать.

Есть ли у меня семья, интересуетесь? Нет. Дело в том, что я дал в ранней юности обет монашеской девственности, коего и придерживаюсь по сей день. Я веду монашеский образ жизни, но при этом остаюсь совершенно светским человеком. Полагаю, что только такой человек, как я, нужен России сегодня. Сложное, путаное время. Уверен, со мною Бог, а я всегда с ним в сердце своём.

Я выбрал вашу организацию и Белковского, узнав, что он человек православный и истинно верующий. Думаю, мы с вами договоримся. Денег я не пожалею на предвыборную кампанию, но... – Николай Васильевич сделал проникновенную паузу и продолжил: – Вы должны понимать, что никто денег на ветер зря бросать не будет. Я хочу быть уверенным, что ваша организация во главе с Белковским будет работать на меня ответственно, искренне и с полной отдачей. Посему у вас в офисе будут постоянно находиться два-три моих монаха или монашки. Они будут крайне ненавязчиво следить, чтобы вы постоянно трудились во благо моё. Не волнуйтесь, вы скоро привыкнете к ним и перестанете замечать. А они будут ежедневно докладывать мне о текущем положении дел.

А теперь перейдём к финансовой стороне. Во сколько вы примерно оцениваете мою предвыборную кампанию? Не забывайте, я ещё в 1996 году был выдвинут кандидатом на пост Президента РФ и представляю себе примерный бюджет подобной кампании. Да, понимаю, времена изменились, всё подорожало, однако не стесняйтесь, смело называйте цифру, которая бы вас устроила, особо торговаться я не собираюсь.

– Дорогой и уважаемый Николай Васильевич, – отвечал ему я, стараясь попасть в его тон. – Поверьте, ваше предложение крайне заманчиво и лестно для нас. Не сомневаюсь в вашей щедрости, к тому же православие делает вас необыкновенно привлекательным клиентом, о котором может только мечтать каждый политтехнолог. Одно лишь «но»: у вас, к сожалению, не может быть по определению столько денег, чтобы купить нас с Белковским в рабство. Сомневаюсь, что такое количество презренного металла вообще у кого-то есть. Чтобы у нас над душой стояли ваши монашки... Мы свободные люди в свободной стране, как мне представляется, посему с невероятным прискорбием я вынужден отклонить ваше щедрое предложение.

– А вы уверены, что компетентны принимать подобное жизненно важное решение, не посоветовавшись с господином Белковским? – ничуть не обидевшись, произнёс М. – Ведь работа на меня могла бы изменить всю вашу дальнейшую жизнь.

– Безусловно компетентен, – подтвердил я. – Дело в том, что Белковский как тот соловей – он не поёт в клетке, даже золотой.

– Ну что же, жаль, конечно, я уважаю ваш выбор и надеюсь, что вам не придётся пожалеть о нём впоследствии.

* * *

Мы расстались по-доброму и больше никогда не встречались. Но остался вопрос, который мучил меня, пока я не задал его товарищу Николаю М., который, собственно, нас с ним и свёл.

– Объясните мне, товарищ дорогой, как такой пламенно верующий человек, добровольный монах, можно сказать, а при этом вор, лихоимец и взяточник? Как это сочетается?

– Всё предельно просто, – с улыбкой отвечал мне товарищ Николай М. – Никакой загадки. Вы, разумеется, смотрели фильм про Штирлица. Советский разведчик в тылу врага может позволить себе всё во имя главной цели – нашей Победы. Штирлиц может лгать, воровать, к примеру, секретные документы или ценности, предавать и обманывать сослуживцев, насиловать их жён и дочерей, даже убивать, как бешеных собак, всех, кто станет у него на пути. Он же не для себя это делает, а для Победы. Этой опасной, но благородной работой разведчика руководит «центр» в Москве. А догадываетесь, где базируется руководящий «центр» у нашего Николая Васильевича? На кого он работает? – мой собеседник молча ткнул пальцем в потолок.

– Да, именно там. Николай работает на Бога. Вернее, на воцарение царствия Божьего на нашей грешной земле, в отдельно взятом городе Москве. Ради достижения этой святой цели он может грабить, воровать, лгать, предавать и прочее. У него, без сомнения, давно налажена постоянная двусторонняя связь с «центром». Не через «пианистку» с рацией, а напрямую – через молитву. Он же не для себя старается, не корысти ради, а токмо волею пославшей его высшей силы – токмо ради победы истинного православия.

– Вы хотите сказать, что он – чудовище?

– Ну что-то вроде того, полагаю. А как вы хотели? Столько лет на ответственной должности в мэрии Москвы...

Глава 3. Кодекс строителя коммунизма

В 1961 году XXII съезд КПСС принял «Программу построения коммунизма». На том же съезде был принят и «Моральный кодекс строителя коммунизма» как часть устава КПСС. После завершения съезда сразу «стремительным домкратом» началось строительство коммунизма – убрали тело товарища Сталина из Мавзолея и тут же рядом его закопали.

Уже в 1962 году в фундамент этого эпохального строительства был заложен краеугольный камень – расстрел властями забастовки рабочих Новочеркасского завода имени товарища С. М. Будённого.

Советскому народу объяснили, что коммунизм вполне возможно построить в отдельно взятой стране, как построили и социализм. Идя навстречу решениям родной партии, многие из нас – книжников – решили, что логичным и правильным будет сначала построить коммунизм в отдельно взятой семье. В своей семье, разумеется.

Недаром нас учили, что «всеобщая связь явлений в природе является объективным основанием индуктивного умозаключения».

Добыча еды и одежды

Всё очень быстро забывается. Во времена брежневского застоя, как теперь говорят, одной из главных задач, которая стояла перед советским народом, была задача... нет, не построения коммунизма, отнюдь, а задача по добыванию пропитания своей семье. С одеждой проблем особых не было, если только вы не хотели выглядеть модным и элегантным. Телогрейки на ватине продавались свободно.

На рынках практически было всё, кроме колбас и прочих хитрых мясных изделий. Но рыночные цены были доступны лишь немногим. Вопрос снабжения продуктами решался по-иному.

В гастрономах и продуктовых магазинах постоянно стояли бесконечные очереди. Обычно люди образовывали очередь задолго до открытия магазина, а потом с боем прорывались внутрь. В магазине распределялись, кто, куда и за чем. Конечно, в каждом магазине был вход со двора для разгрузки продуктов или ставший нарицательным чёрный ход. С чёрного хода тоже иногда стояла очередь, но небольшая и очень дружественная.

С чёрного хода отоваривались «свои»: родственники, друзья и «полезные» знакомые работников магазина. Ответственные работники тоже всегда заходили, как у них принято, «сзади». А таким, как я, чтобы любили и обслуживали самым дефицитным товаром, нужно было обладать лишь одним ценным качеством – платить с благодарностью, сколько скажут. «Живёшь сам – дай жить другим» – такова была стратегия выживания в брежневские времена.

Напротив «брежневско-андроповского» дома 26 на Кутузовском проспекте располагался гастроном, который на многие годы стал для меня родным. Я заходил со двора чёрным ходом в мясной отдел как к себе домой. Уверен, я не был для мясников просто покупателем – скорее близким товарищем. Пил чай с начальником мясного отдела и с простыми рубщиками, слушая их истории, рассказывая свои. Искреннее дружеское общение – вот главный секрет моих связей, а это всегда дорогого стоит. В этом гастрономе был и отдел заказов, через который можно было купить вообще любые продукты. Разумеется, я помогал продуктами своим родным и друзьям.

После обрушения СССР я как-то прочёл, что мясо в магазины завозили в то время из стратегических запасов страны после двадцатилетнего хранения на складах Воронежа в замороженном виде. Но я прекрасно помню, что покупал, как правило, «охлаждёнку» – почти парное мясо по два рубля за килограмм. Языки, например, как субпродукт стоили один рубль

двадцать копеек за килограмм, но никогда не бывали в открытой продаже. Только «своим». Венгерских кур покупал ящиками по десять штук, благо мне достался от Лёвы Бергера, уехавшего в США, финский холодильник Rosenlew с огромной морозилкой.

Директор овощного магазина на Кутузовском, 24, рядом с домом Брежнева, Костя Мячик меня встречал неизменным: «Обсчитайте его пожалуйста». Двойной смысл такого указания вызывал лишь смех у присутствующих.

Позже я подружился с директором гастронома, где выдавали свадебные продуктовые наборы. Это явилось венцом моей карьеры по добыванию продуктов. Дело в том, что люди, которые подавали заявление в ЗАГС о намерении вступить в законный брак, получали талоны как на покупку одежды в специальных магазинах для новобрачных, так и талоны на приобретение продуктовых свадебных наборов. В таком наборе наши родные партия и правительство заботливо выдавали счастливым новобрачным, кроме всего прочего, и ультрадефицитные продукты: водку и колбасу. За полную стоимость, безусловно. Я мог приобрести любое количество таких наборов в любой день.

Выше всего ценилась финская колбаса. Она была двух видов: варёно-копчёная и сыро-копчёная. Колбаса была абсолютной валютой – в обмен за неё можно было получить любую услугу и любой товар. Про водку нечего и говорить. Водка высоко ценилась во все советские времена.

В принципе, деньги были не очень и нужны – за них ничего не купишь, если нет связей. Народ обменивался дефицитными товарами и услугами. Но такие возможности были у немногих. Заведующие отделами в гастрономах или продуктовых магазинах были настоящей элитой – сливками общества. Вроде сегодняшних чиновников, дербанящих госбюджет.

С одеждой была примерно такая же картина, за исключением того, что свежая еда нужна каждый день, а новая одежда – только на большие праздники. Тот же Лёва Бергер оставил мне в «наследство» пожилую и очень стильную еврейскую даму Фаину Григорьевну. У нас с ней быстро сложился тандем: её связи – моя машина. Фаина была «своей» в многочисленных универмагах Московской области. Мы пару раз в месяц объезжали некоторые областные универмаги, где она отоваривалась дефицитом: обувью, одеждой, аксессуарами. Потом она пару недель «фарцевала» этим товаром, не выходя из своей квартиры. Я, конечно, тоже имел возможность приобрести всё, что хотел. Так я одевал своих родных и близких.

* * *

Но кем мы были по сравнению с сегодняшними «своими»? Всё не изменилось, а скорее «усилилось»: воры, коррупционеры, расхитители государственной собственности стали элитой нашего общества – солью земли российской, её славой.

Карате

В самом начале восьмидесятых мой школьный одноклассник Лёша Чернуха предложил мне составить ему компанию по занятиям карате. Я с радостью согласился, тем паче что заниматься карате было запрещено. Запретный плод всегда сладок, особенно людям с авантюрной жилкой.

Примерно в 1980 году вышел закон, запрещающий занятия карате, йогой, атлетической гимнастикой, женским футболом и бриджем, поскольку они являются видами спорта, чуждыми советскому образу жизни. С бриджем вопросов не было – карты, вино и женщины всегда олицетворяли разгульную, порочную, а стало быть, антисоветскую жизнь. В уголовном кодексе была статья о мерах борьбы с азартными играми, к которым относился бридж и, как ни странно, бильярд. Кстати, бильярд впервые был запрещён ещё в 1920-е, как «развлечение богачей и

пережиток прошлого». В 1930-е бильярд снова разрешили, но в 1947 году запретили опять и приравняли к азартным играм.

С женским футболом тоже вопросов не возникало: советские женщины не должны играть в футбол, они и так устают на производстве и дома.

Запрет йоги тоже был объясним – это совсем не вид спорта, а некая философия, и очень далёкая от марксистско-ленинской. Начнёт советский человек йогой заниматься, а захочет ли он потом заниматься строительством коммунизма – это ещё вопрос.

Атлетическая гимнастика (или культуризм, как тогда называли бодибилдинг) также очевидно не соответствовала идеалам советского человека, который должен думать не о построении своего тела, а о построении коммунизма в отдельно взятой стране.

Наконец, карате тоже представляло опасность для государственного строя СССР. Карате могли использовать и использовали криминальные элементы в своих шкурных интересах, а вполне могли бы использовать и для насильственного свержения советской власти! По Москве тогда гулял слух, что был жестоко избит племянник первого секретаря Московского горкома КПСС В. В. Гришина, и, когда к дядюшке Гришину на стол попала статья «Осторожно, карат-еды!» некоего Д. Иванова, большой начальник повелел: «Чтобы я про это карате больше и слыхом не слыхивал!»

В итоге по 219-й статье «Незаконное обучение карате» нарушителям грозил тюремный срок до двух лет и огромный штраф до пятисот рублей. А что происходит с любой запрещённой деятельностью? Нет, она не исчезает – она уходит в подполье! Регулярные милицейские рейды по подвалам и спортивным залам, в которых «подпольщики» обучались боевым приёмам, никого не пугали, поскольку сами менты с удовольствием тоже там обучались.

* * *

Вот в таком подпольном партизанском отряде оказались и мы с Лёшей Чернухой. Командиром нашего отряда, или на языке каратистов сэнсэем, был Вадим Вязьмин – совершенно уникальный тип.

Мы с Лёшей попали в новый набор. Нас было человек пятнадцать-двадцать, новичков разного веса, роста и возраста. Занятия были платными, разумеется. Деньги тихонько сдавали специально обученному человеку.

Наша школа карате называлась «Дхарма Марга» – это была школа древнеиндийского карате, или школа боевой йоги, как нам объяснили.

Нас обучали приёмам самообороны, а потом ставили в спарринг с опытными бойцами. Помню молодого человека, кстати, милиционера, который, узнав, что мне тридцать лет, сочувственно сказал:

– Вы уже очень немолоды, реакция, стало быть, плохая. Следите за моей правой ногой. Я буду бить только правой ногой и только вам в лоб. Защищайте свой лоб всеми силами и способами.

И ведь пару раз попал мне в лоб минут за пять спарринга, несмотря на все мои усилия. Правой ногой. Но не сильно.

Сэнсэй Вадим говорил, что может ударом руки отбить горлышко у свободно стоящей бутылки, а ударом ноги опрокинуть пятидесятиведерную полную бочку. Перед началом занятий он частенько рассказывал случаи, которые с ним происходили, и эти истории поражали наше воображение. Расскажу тут парочку, но прошу иметь в виду – я ничего этого не видел, только слышал от главного героя – сэнсэя Вадима. Обычно история звучала так.

«Возвращаюсь я вчера поздно ночью домой (Вадим жил в доме 24 по Кутузовскому проспекту – рядом с домом 26, где жили тогда Брежнев с Андроповым). Подходят ко мне двое:

– Закурить есть?

– Я не курю и вам настоятельно не советую. Вы что, настолько невежественны, что никогда не слышали о вреде курения? Может, и читать не умеете? В школу-то ходили? – вежливо спрашиваю. А в ответ слышу:

– Тебе что, давно рожу не били?

– Очень давно не били, не помню даже, когда били. А не хотите ли попробовать, уважаемые товарищи, побить мне рожу? – ещё вежливее отвечаю».

– Так, а теперь, вот вы двое, вышли сюда, – обращался сэнсэй к нам, ученикам. – Встаньте напротив. Ты бей первым прямо мне в лицо, не бойся.

Дальше он показывал, как надо обороняться против двух несчастных дурачков, которые и не подозревали, с кем связались.

Как-то раз мне очень «повезло» – сэнсэй показывал на мне очередной приём. Предложил мне ударить его ногой в пах, по яйцам. Я ударил. Одной рукой он отбил мою ногу, другой разбил мне все губы, что привело его в некоторое волнение. Я подумал, что он извинится за этот удар, но оказалось, что его беспокойство было вызвано совсем другим:

– Не подумайте, что я ударил его, – обратился сэнсэй к ученикам. – Нет, я остановил кулак в миллиметре от его лица. Он сам подался вперёд и разбил губы о мой кулак. Запомните, если я бью в это место, то выбиваю все зубы. Все передние зубы до единого. Не думайте, что мой удар способен лишь разбить губы. Нет, нет.

Один рассказ Вадима запал мне в память:

– Захожу я в свой подъезд, и вдруг выскакивает из тёмного угла под лестницей парень с ножом. «А ну, снимай дублёрку, – говорит мне. – И деньги все давай». Теперь показываю – вот ты иди сюда, встань и угрожай мне ножом. Смотрите: я левой рукой отвожу в сторону его правую руку с ножом, разворачивая его боком ко мне, а правой с разворота бью по затылку – вот так. И у меня получилось! У меня получилось! Я всегда мечтал попробовать нанести такой удар, но не было возможности. И у меня получилось, чёрт возьми! Как что получилось? Вы не поняли? У него выскочили глаза. Оба глаза выскочили. Поймите, голова наполнена жидкостью, в которой плавают мозг. При очень резком ударе получается гидравлический взрыв и глаза выскакивают. Я в кино видел и всегда мечтал попробовать. Получилось. Резкость удара должна быть, понятно?

– А что стало с парнем? – после гробового молчания спросил кто-то.

– Да какая разница, что с ним стало. Я ушёл сразу. И дело не в нём. Вы что, не понимаете, для чего я вам это рассказал?

Через год-полтора регулярных занятий моего друга Лёшу Чернуху травмировали. Что-то порвали с обратной стороны колена. Он хромал потом все тридцать лет до самой своей смерти. Когда Лёша перестал ходить на занятия, я внезапно прозрел. Только тогда с удивлением заметил, что остался в одиночестве: все товарищи из нашей группы исчезли после травм разной степени тяжести. Даже группы, образованные позже нашей, значительно поредели. Я с запоздалым удивлением понял, что нас, новичков, использовали в качестве живых груш для бойцов из базового отряда Вязьмина, отрабатывая на нас удары и приёмы. А мы при этом ещё платили за это деньги. Нет, чему-то нас научили, безусловно, но дорогой ценой. Больше я не приходил к сэнсэю Вадиму, испугался за своё здоровье.

Сейчас, почти через сорок лет после этих событий, я посмотрел, что пишут в интернете о Вадиме Вязьмине, 1950 года рождения. Оказалось, что мой дорогой сэнсэй теперь:

- психоаналитик, который провёл ряд теоретико-прикладных исследований в области психологии индивидуального и коллективного бессознательного, структурной психолингвистики, сигнатографии, архетипологии, психологии восприятия, психофизиологии и так далее;
- разработчик Визио-архетипического системного теста – уникального инструмента точной структурной диагностики психических и физиологических процессов и проблем;

- разработчик Золотой Игры – великолепного инструмента исполнения желаний и успешного решения любых жизненных задач;
- специалист по древним и современным методам врачевания;
- основатель проекта интегрально-экологической медицины;
- живописец – автор множества картин;
- литератор, автор девяти романов, множества стихотворных произведений;
- заслуженный мастер боевых искусств (Национальная федерация боевых искусств), вице-президент НФБИ;
- автор прицельных методик надёжного решения любых личных и прочих проблем.

Эта нечеловеческая конгениальная многогранность просто сносит с ног сильнее любого удара по затылку. А может быть, Вадим Вязьмин инопланетянин?

Закончу цитатой из книги самого сэнсэя Вязьмина: «Жил некогда великий мудрец. И вот пришёл к нему странник и спросил: “Скажи мне правду, что есть жизнь и что есть смерть, что есть мир и что есть человек и зачем всё это? Ответь, создана ли эта чудесная и ужасающая своим величием Вселенная или существует от веку? И что есть мудрость, и что есть глупость, и к чему мне стремиться? И если стремиться к мудрости, то как глупости избежать? И если есть Бог, то как стремиться к Нему, если Он недостижим? И если...” Тут он заметил, что, увлекшись задаванием вопросов, оказался совсем в другом месте и задаёт их привязанной к колышку козе...»

Бриллиантовый диван

Конец семидесятых или начало восьмидесятых годов XX века. Некие тбилисские евреи собрались эмигрировать в Израиль из СССР брежневской закваски. В Тбилиси у них был подпольный цех, а это значит – баснословное богатство. Почему решили уехать? Почувствовали опасность – стали сниться тюремные нары, а может, и предупредили их, что лучше сматываться.

Я сам провожал отъезжающих евреев в те времена – везли всё, что только можно. Даже мебель, которая была страшным дефицитом в СССР. Израиль потом ввёл денежные премии тем семьям, которые не тащили с собой эту рухлядь. Даже помойки Израиля не выдерживали столько мебели.

Так вот, эта семья грузинского еврея, назовём его Мамукой (близко к оригиналу), все свои активы перевела в бриллианты, которые были тщательно спрятаны в большом старом диване. В этот же диван были заселены большие колонии клопов – это чтобы никто не догадался! Не думаю, что они читали «Двенадцать стульев», хотя всё возможно.

Приехали в Израиль. Всё барахло вскоре прибыло, кроме... ага, этого дивана с «бруликами». Они, конечно, бросились во все инстанции, а инстанции в ответ посылают их куда подальше вместе с их диваном. Надо сказать, что к тому времени израильские власти были уже изрядно замучены провинциальными евреями и их диванами, чемоданами, картинами, корзинками и картонками. В Израиле провинциальный советский еврей быстро оказался в самом низу социальной лестницы и жизни. Заслуженно вполне.

Поплакали, порыдали Мамукины – всё нажитое непосильным трудом потеряли в одночасье – их можно понять. Стали обустраиваться. Проходит полгода, и вдруг раздаётся звонок:

– Звоним из Лос-Анджелеса. Мы тоже евреи из Тбилиси. Вот мы получили ваш жуткий клоповый диван вместо нашего комода. На этом вашем диване был прищиплен булавкой ваш тбилисский телефон, мы позвонили, и там нам дали этот израильский телефон. Скажите, а наш комод случайно не у вас?

– Да, да, ваш комод случайно у нас, а какой ваш адрес?

– А может, и наш ковёр случайно у вас? Туркменский, красный такой, немножко драный?

– Да, батано, и ковёр у нас, у нас ваш ковёр, дайте скорее ваш адрес, мы привезём вам и комод, и ковёр.

– А кто заплатит за перевозку?

– Мы, мы всё берём на себя, поймите, наша бабушка умирает, она может спать только на этом диване. Бабушка уже не спит полгода, еле ходит, будьте людьми. Все расходы берём на себя, бабушка – наше всё.

Прилетел Мамука с братьями в Лос-Анджелес, договорился с теми евреями быстро – дали отступного, а как же – бабушка умирает без дивана... Интересная деталь: клоповый диван стоял на улице во дворе дома и был не раз обильно орошаем дождями. Потом высыхал на знойном солнце Калифорнии. К приезду Мамуки диван находился в катастрофическом состоянии. Ещё немного дождей – и из него посыпались бы бриллианты. Братья взяли полусгнивший диван, погрузили, привезли и затащили в большой номер мотеля неподалёку...

Три часа говорили с Израилем по телефону, пока потрошили диван.

– А ожерелье, которое купили у Армена, директора гастронома, есть?

– Да, папа, тут.

– А кольцо с бриллиантом в пять и два карата, чистота три, цвет два, как сейчас помню, купили у старого Омарика, помнишь, он был когда-то генералом КГБ?

– Ищем, мама, подожди, помню, конечно...

Всё нашлось, всё вернулось. А как всё это богатство они лихо потеряли в Израиле – это другая история.

Бедный растерзанный диван был брошен в номере и, вероятно, дал немалую пищу воображению работников мо теля.

Берёзкин. «Шестёрка» «жигулей». Тбилиси

Недавно позвонил мой старый товарищ художник Владимир Михайлович Берёзкин, который давно и практически безвылазно обитает в городе Париже. Возможность заработка привела его на недельку в Москву. Встретились. Ему исполнилось восемьдесят восемь лет. У меня ассоциация – «бабочка» – по 88-й статье в дни моей молодости судили за валютные операции. А он говорит – это два повёрнутых вертикально знака бесконечности. Пообщались. Я бы сам мечтал быть таким живчиком в восемьдесят восемь: юркий, ловкий, порывистый, глаз горит, мозг быстр и изощрён, как в молодости. Отрастил окладистую бороду и огромные усы пепельного цвета. Внешне стал походить на русского барина XIX века. Берёзкин всегда отличался отчаянной оригинальностью. Вспоминали нашу невероятную поездку из Москвы в Тбилиси и обратно летом 1979 года.

В те далёкие времена страна готовилась к Олимпиаде, заодно строила социализм и не подозревала, что переживает брежневский застойный период. Всё как обычно: кому застой пустой, а кому навар густой.

У Берёзкина образовалась кучка картин на продажу. Он был известным реставратором – приобретал картины в плохом состоянии и делал из них «конфетки». Однажды он обратился к нашему общему другу Вилену Харитоновичу Апакидзе с просьбой помочь реализовать шедевры, которым Берёзкин подарил новую жизнь. Вилен служил генералом ОБХСС в Тбилиси и курировал самых богатых людей Грузии на тот момент. Собственно, Вилен Харитонович и познакомил меня с Берёзкиным.

Вилен живо откликнулся на просьбу художника-реставратора и предложил привезти картины в Тбилиси. На самолёте это было бы сложно, учитывая размеры картин и их неясное происхождение. Решили транспортировать их на автомобиле. Дорога дальняя, и Вилен предложил Берёзкину взять меня в качестве второго водителя. К тому же у меня в Тбилиси остались дела, о которых расскажу позже.

И вот летом 1979 года мы с Владимиром Михайловичем выехали ранним воскресным солнечным утром из Москвы. Машин в воскресенье мало, а грузовиков вообще нет. Впереди две тысячи километров. Автомобиль – «жигули» «шестой» модели – принадлежал Берёзкину. Задние сиденья сложены – там лежит штабель картин чуть не до потолка. В багажнике из-за картин совсем немного места, но обязательно присутствуют: двадцатилитровая канистра с бензином, катушка зажигания, центральный провод, свечи, ремень генератора и прочие запчасти. Каждый водитель умел в то благословенное время произвести элементарный ремонт самостоятельно. На коленях атлас автомобильных дорог, и всё. Никаких интернетов в помине нет, как и мобильных телефонов.

Первый печальный эпизод произошёл в Тульской области. За рулём был я. Догнал голубой автомобиль «москвич», а правило дальней дороги гласит: догнал – обгоняй. Если бы он ехал в твоём темпе – ты бы его не догнал. Абсолютно пустая дорога. Населённый пункт. Начал обгон и чувствую – он меня не видит. Это всегда чувствуется. Не все регулярно поглядывают в зеркало заднего вида, а это залог здоровья. Чёрт меня дёрнул погудеть. И тут произошло ужасное: он испугался, дёрнул руль вправо, затормозил, а дальше как в замедленном фильме: голубой москвич очень медленно взлетел, перевернулся, на солнце блеснуло его тщательно промазанное антикоррозийкой чёрное днище, затем он плавно приземлился и заскользил крышей по траве рядом с деревянным частоколом какого-то дома. Я затормозил и остановился. Была полная тишина, если не считать стрекота кузнечиков и далёкой радиомузыки. И никого. Первым очнулся Володя:

– Гоним, валим, рвём когти. Чего встал? Все живы и здоровы, не видишь? Здесь к тому же населённый пункт. – И я погнался. Через километров восемьдесят был пост ГАИ. Никто нас не остановил. Но в памяти отпечаталась навсегда картина летящего чёрным дном вверх голубого москвича.

Второе неприятное происшествие произошло в Липецкой области. Надо отметить, что на протяжении всех двух тысяч километров пути состояние асфальтовой дороги в Липецкой области было самое ужасное: ямки, ямы, ямищи. За рулём был Берёзкин. Конечно, скорость упала, он старался объезжать бесконечные ямы. Но вдруг левое колесо рухнуло в яму, раздался нехороший стук. Мы остановились и к нашему ужасу обнаружили вмятину сверху на левом крыле. Видимо, амортизатор вытек и не сработал. Много позже я узнал, что ямы или надо медленно объезжать, или, на оборот, на высокой скорости пролетать над ними. Главное, не тормозить перед ямой.

Воронежскую и Ростовскую области прошли без происшествий. Дорога была хорошая. Где-то остановились поесть. У нас с собой было достаточно еды. Поедать пищу в столовых на дороге было бы очень опрометчиво. Поздно вечером решили заночевать в Краснодарском крае. Берёзкин держал среднюю скорость под сто шестьдесят километров в час, я ехал не более ста сорока. Остановились на посту ГАИ, где ночевали дальнобойщики, кое-как разложили сиденья и попытались заснуть.

Утром подошёл милиционер:

– Откуда машина? Куда едем? Что везём?

Володя вышел из машины. В те времена было принято обязательно выходить из машины для объяснений с властью. Отдал документы и вежливо заговорил:

– Здравствуйте. Мы художники из Москвы. Приехали рисовать ваши невероятные пейзажи. В машине холсты и краски. Я, кстати, работаю художником журнала «Советская милиция». Вам нравится наш журнал? Вы его читаете?

Милиционер дико глянул на Берёзкина и молча протянул ему документы.

Проехали Краснодарский край, в Кабардино-Балкарии недалеко от Нальчика нас опять остановила милиция. Владимир Михайлович вышел и протянул документы молодому кабардино-балкарцу:

– Здравствуйте. Мы художники из Москвы. Приехали рисовать ваши удивительные горные пейзажи. В машине холсты и краски. Я, кстати, работаю художником журнала «Советская милиция». Вам нравится наш журнал? Вы его читаете?

– Говно журнал. Редкое говно. Ну-ка машину открыл – показал, что везём.

– Спасибо вам большое за критику. Мы обязательно примем её к сведению и постараемся сделать наш журнал лучше, – спокойно говорил Берёзкин, открывая заднюю дверь. Мент откинул тряпку, закрывающую картины, приподнял верхнюю и заглянул: это была паркетированная доска XVII века с изображением батальной сцены. Кракелюры покрывали всю плоскость картины.

– Чьи картины? – строго спросил мент.

– Мои, – честно ответил Берёзкин.

– Сам малевал? – подозрительно покосился служитель закона.

– Я ещё и не так могу. Я работаю исключительно в реалистическом стиле. Вам нравится социалистический реализм? Или вы предпочитаете авангард?

– Свободны, – прекратил разговор милиционер и отошёл.

Заночевать остановились в Орджоникидзе (с 1990 года город Владикавказ). Мы очень волновались, как будем проходить последние двести километров по Военно-Грузинской дороге. Володя решил, что за рулём будет только он и потому ему необходимо как следует отдохнуть перед тяжёлой дорогой. Каким-то чудом мы нашли маленькую гостиницу на окраине города.

– Здравствуйте. Мы художники из Москвы. Приехали рисовать... – Берёзкин прогнал весь свой текст и незаметно положил в паспорт червонец. Нашлись две койки в восьмиместном номере. Мы их взяли. Но Владимир Михайлович решил в любом случае спать в машине. Такие ценности нельзя оставлять без присмотра даже во дворах честнейшего города имени Серго Орджоникидзе. Кстати, город Орджоникидзе был переименован в Дзауджикау в 1944 году, а после смерти Сталина обратно в Орджоникидзе. Не возлюбил Сталин своего старого друга Серго, наверное, за то, что пришлось его пристрелить.

Молодость, усталость и хороший ужин в какой-то шашлычной позволили мне хорошо проспаться всю ночь. Запомнилась длинная комната, восемь кроватей в ряд, один платяной шкаф, стол и три стула. Туалет в коридоре был один на весь этаж. Нормальные советские условия.

Утром встретились с Владимиром Михайловичем. Он был очень озабочен:

– Видимо, из-за того, что я ночевал в машине, кто-то решил, что там большие ценности. Рано утром подходили разные молодые чернобровые люди и пытались заглянуть внутрь. Некоторым я пытался объяснить, что мы художники, а в машине холсты, но чувствую, что не очень поверили. Короче, собирайтесь, немедленно выезжаем. Я поведу.

Когда мы выехали со двора этой гостиницы, то почти сразу Берёзкин заметил за нами «хвост». Надо отметить, что преследователи особенно и не скрывали своих намерений. Их было пятеро в серой старенькой «Волге».

– У меня годовалая «шестёрка», у них антикварная двадцать первая «Волга», – задумчиво сказал Володя. – Сейчас я им покажу, почему меня называли «Смертельной колотушкой» в молодости.

Я пристегнулся и в ужасе упёрся в торпеду рукой. Мы погнались. Берёзкин оказался хорошим автогонщиком. Мы находились в совершенно незнакомом городе, а он сворачивал на какие-то улицы, пролетал на красные светофоры, опять куда-то поворачивал, и наконец произошло то, что и должно было случиться: после очередного лихого поворота мы оказались в тупике. Вернее, в квадратном дворе двухэтажного старинного дома. Мы быстро развернулись и прижались к стене, чтобы нас не было видно с улицы. Наша «Волга» давно отстала, но мы были готовы немедленно стартовать.

Смешно видеть, как во многих фильмах грабители подъезжают к банку и упираются капотом в стену, а после грабежа начинают торопливо разворачиваться под градом пуль. Есть правило: ставь машину так, чтобы сразу валить при случае.

Во дворе у большого деревянного стола сидел на скамейке одинокий старик с палочкой и грелся на солнышке. Больше никого не было видно – всё-таки был рабочий день. Старик медленно встал и подошёл к нам:

– Вам кто нужен, уважаемые?

– Здравствуйте. Мы художники из Москвы. Приехали рисовать суровые пейзажи вашего Дарьяльского ущелья. Но вот заблудились. Не знаем, как найти дорогу.

Старик немного подумал:

– Подождите немного, я сейчас приду и всё вам объясню, – и заковылял прочь. Мы остались ждать.

Старик никак не мог быть членом ОПГ, решившей нас ограбить, а может, и убить. Он появился через десять минут. Рядом с ним шла женщина и несла в руках огромный поднос, на котором красовались толстые ломти красного роскошного арбуза. Она поставила поднос на стол:

– Утощайтесь, пожалуйста, гости дорогие.

Мы потеряли дар речи. Затем со словами благодарности вышли из машины, сели за стол и принялись уплетать вкуснейший арбуз, который оказался на удивление холодным. Старик спокойно и внятно объяснил нам, как выехать в нужном направлении, выяснилось, что он работал шофёром до пенсии. Мы помыли руки, ещё раз горячо поблагодарили старика за настоящее кавказское гостеприимство и поехали.

Без происшествий выехали на Военно-Грузинскую дорогу. Однако тут нас ждало ещё одно испытание. Не знаю, как сейчас выглядит эта дорога, но в то время это была очень узкая асфальтовая дорога, которая поднималась вдоль Дарьяльского ущелья. Извилистая, с закрытыми поворотами, не везде можно было и разъехаться. С левой стороны ничем не огороженная пропасть. В одном месте далеко внизу, где шумел Терек, виднелся остов красной машины – это позитивно влияло на головы горячих джигитов.

Вдруг образовалась пробка. Машины впереди двигались очень медленно и постоянно гудели. Наконец за очередным поворотом мы увидели удивительную картину: по Военно-Грузинской дороге шла отара овец. Рядом шагал невозмутимый чернобородый пастух – чабан в бурке и чёрной папахе. В руке он держал длинную палку с крючком, за поясом висел кинжал. Мы невольно залюбовались красавцем и стали вспоминать, кто был автором рисунка на пачке сигарет «Казбек». Эрудит Берёзкин знал точно: Роберт Грабе или Евгений Лансере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.